

НОВАЯ ПОЛЬША 12/2006

Содержание

1. ПОЛЬСКИЙ ПАПА КРЕМЛЯ НЕ БРАЛ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ГЕДРОЙЦ В МУЗЕЕ ЛЕНИНА
4. БОЛЬШОЕ ДЕЛО В МАЛЫХ ТЕРЕМИСКАХ
5. ЧЕЛОВЕК И ТЕНЬ
6. СТИХИ
7. ЖИЗНЬ МОЖЕТ СТАТЬ КОШМАРОМ
8. СТИХОТВОРЕНИЯ
9. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
10. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
11. «КУЛЬТУРА» — «КОНТИНЕНТ», ЕЖИ ГЕДРОЙЦ —
ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

ПОЛЬСКИЙ ПАПА КРЕМЛЯ НЕ БРАЛ

Памяти Юрия Левады

Редакция парижской «Культуры» в ноябрьском номере 1978 г., после того как 16 октября Кароль Войтыла был избран Папой Римским, заявила, что «новый Папа пробудил огромную волну надежды у всех христиан в советском блоке». Рядом была напечатана поздравительная телеграмма от редакторов и членов редколлегии «Континента» — Натальи Горбаневской, Владимира Максимова, Эрнста Неизвестного и Владимира Буковского. А в Советском Союзе Владимир Высоцкий (крайне популярный в то время и у нас, в Польше) сочинил песню «Лекция о международном положении», где было такое двусмысленное:

А мы им Папу Римского подкинули —

из наших, из поляков, из славян!

Грозный поляк в Ватикане

В апреле 2005 г., уже после смерти Иоанна Павла II, об этом куплете Высоцкого упоминал Константин Крылов, публицист журнала «Спецназ России» («газеты Ассоциации ветеранов подразделения «Альфа»»). В своей дружелюбной строфе Высоцкий, по мнению автора, отличился «крайним историческим легкомыслием». К счастью, в то же время в России появились «люди более осведомленные», которые — перед лицом избрания поляка на Апостольский престол — «напротив, напряглись, и очень сильно».

Кого имел в виду наш автор? Явно не искренних исповедников православия, которые при Брежневке подвергались гонениям, как и всякий, кто посмел противиться всевластию КПСС. «Осведомленными» не были, разумеется, все те, кто в СССР обрадовался избранию Войтылы. Елена Твердислова, переводчица Иоанна Павла II, утверждает, что слово «поляк» тогда приобрело — разумеется, в узких кругах — метафорическое значение, став критерием человеческого достоинства и независимости. Я и сам хорошо помню разговоры с советскими эмигрантами в Париже и Мюнхене в

80-е годы — Владимиром Максимовым, Натальей Горбаневской, Ириной Иловайской-Альберти, протоиереем Кириллом Фотиевым. Все они после избрания Войтылы не только не «напряглись, и очень сильно», но относились к Папе-поляку с огромным вниманием. Они верили, что новый понтификат будет способствовать укреплению христианства на Западе и улучшить долю православных на Востоке. Подобные надежды выражал и Александр Солженицын в ответе на анкету «Культуры»:

«В большей части благополучного мира христианство испытало развешение, в иных местах — одеребенение. Западные люди во множестве утратили ощущение масштабов жизни и сути ее. Эти масштабы и эту суть принесет в католическую Церковь, как я надеюсь, новый Папа из духовно стойкой Польши, поднявшийся сквозь притеснение христианства у себя на родине. Вместе с католиками восточноевропейских стран мы, русские, глубоко радуемся этому избранию. Мы верим, что оно поможет укреплению нашей общей христианской веры во всем мире — а только она сегодня и может спасти человечество... Поляков хочется особенно поздравить».

Кем же они были, упомянутые Крыловым «люди более осведомленные»? Ответ, пожалуй, уже ясен. Сразу после избрания Войтылы в Италии говорили, что Советский Союз предпочел бы лучше видеть Солженицына на посту генерального секретаря ООН, чем поляка на престоле св. Петра. Это мнение слышал в Италии Ежи Турович, тогдашний главный редактор «Тыгодника повсехного». Политбюро ЦК КПСС в сотрудничестве с КГБ уже 13 ноября 1979 г. разработало план борьбы с политикой Ватикана по отношению к социалистическим странам. Самым важным пунктом была мобилизация руководства республик с населением римо- и греко-католического вероисповедания, т.е. Украины, Литвы и Белоруссии. Авторы проекта призывали к «обмену информацией» с компартиями Австрии, Аргентины, Бельгии, Ирландии, Италии, Португалии и ФРГ. Они рекомендовали нейтрализовать мирную фразеологию антикоммунистических групп в католической Церкви, а КГБ получил задачу доказывать за границей, что Иоанн Павел II... опасен для самой католической Церкви.

Польская и ватиканская интрига?

Я привел цитаты из враждебного текста Константина Крылова о Ватикане и польском Папе, так как в нем верно отразилась антиевропейская и антипольская «православная» идеология, нередко воздействующая на умы в России. Воздействует она

независимо от того, исповедует ли сегодняшний русский антикатолик православие и ходит ли — хотя бы по великим праздникам — в церковь. Достаточно, чтобы он ненавидел Америку, не любил Западную Европу, не мог простить Польше и прибалтийским странам вступления в НАТО и мечтал о реставрации СССР.

А ведь и действительно Папа-поляк способствовал крушению СССР — это не оспаривают ни враги «Страны Советов», ни ее многочисленные и по сей день активные друзья. Некоторые из них даже считали, что намечавшееся паломничество Папы в Россию будет выполнять не религиозные, а «американско-натовские» задачи. Вышеупомянутый Крылов со смертельной серьезностью рассказывает, как Папа во время своих паломничеств успешно («не без помощи своей свиты, разумеется») исполнял разведывательные функции, «благословлял католическую агентуру, собирал нужную информацию»... Нас, поляков, тут явно переоценивают, о чем свидетельствует и следующий фрагмент, посвященный Леху Валенсе. С одной стороны, это всего лишь «глуповатый деревенский «Лешек», электрик с гданьской судоверфи», но с другой — «в годы борьбы с коммунизмом Валенса демонстрировал сверхчеловеческую проницательность». В подтверждение Крылов рассказывает:

«Например, кинорежиссер Анджей Вайда вспоминал, как в 1981 году снимал фильм про «Солидарность» и спросил Валенсу: «Лех, вы не боитесь, что придут русские танки и все это кино сразу кончится?» Валенса уверенно ответил: «Никаких танков не будет». Много лет спустя выяснится, что в Кремле и впрямь не собирались вводить войска, но откуда это мог знать профсоюзный лидер? Похоже, кто-то снабжал его конфиденциальной информацией с самых верхов политической пирамиды».

Кто-нибудь скажет, что подобные нелепые рассказы имеют целью развлечь читателя. Я, однако, считаю — а я пишу о России доброжелательно уже двадцать с лишним лет, — что подобные тезисы вовсе не выглядят фантастикой в кругах исповедников «русской идеи». Всюду вынюхивая «польскую интригу», эти идеологи часто получают поддержку от Русской Православной Церкви. Я имею в виду хотя бы митрополита Кирилла (Гундяева), второе по значению лицо в Московской Патриархии. В марте 2004 г. он получал почетную докторскую степень в Варшавской богословской академии и прочитал там, на екуменической конференции, доклад «Культурный и религиозный плюрализм как шанс для Европейского Союза и

его соседей». Но и ему случается у себя на родине впадать в чрезмерный «патриотизм», замешенный на антипольских стереотипах. 4 ноября 2005 г. Россия впервые праздновала День национального единства, учрежденный в память об изгнании поляков из Кремля в 1612 году. За несколько дней до праздника митрополит Кирилл говорил в передаче «Вести. Подробности» по телеканалу «Россия»:

«4 ноября — это незаслуженно забытый День Победы. Если сравнивать его с днем 9 мая, то еще неизвестно, какая из двух дат имеет большее значение. Ведь во время Великой Отечественной войны фашисты в Москву не вошли и Гитлер на место Сталина не сел в московском кабинете. И вертикаль власти не была разрушена, и страна была управляема. А в то страшное Смутное время враг захватил столицу, вошел в Кремль, разрушил всю вертикаль власти, и на что оставалось надеяться? На помощь Божию, на Русскую Православную Церковь, которая сумела тогда мобилизовать людей, и на нравственное и патриотическое чувство нашего народа».

На рубеже XX–XXI веков, мечтая о паломничестве в Россию, Иоанн Павел II наверняка не знал, что против него выступают действительно очень влиятельные силы в Москве и Петербурге. Папу они воспринимали прежде всего как поляка, возглавляющего западный, т.е. враждебный России, институт. Какой «вред» он мог бы принести русским, если бы к ним приехал? Об этом говорится в статье, подписанной Православным Братством Святителя Марка Ефесского и висящей с весны 2000 г. на популярной среди антиэкуменистов странице www.pravoslavie.ru. «Вред» исчислен в семи пунктах — по числу смертных грехов?

«(1) Визит Папы может вызвать раскол в православной среде РПЦ. (2) Резко снизится в глазах православного духовенства и многочисленных верующих авторитет Святейшего Патриарха и Священноначалия РПЦ. (3) Резко усилится прозелитическая активность Римо-католической церкви в России, Белоруссии и Средней Азии. (4) Внутри РПЦ усилит свое деструктивное влияние обновленческо-экуменическая группировка, целью которой всегда была откровенная антицерковная деятельность, расшатывание православных традиций и стремление к унии с Римом. (5) Усиление униатства на Западной Украине. (6) Усиление антирусских настроений на Украине и в Белоруссии, а также антироссийских структур (УНА-УНСО, Белорусский народный фронт и др.), настроенных на полный сепаратизм в отношении России. (7) Подрыв уважения православных

верующих к властным структурам Российской Федерации и, прежде всего, к Президенту В.В.Путину».

Дружественная Папе Россия

Но у Папы в России на склоне XX и в начале XXI века было и немало друзей или просто расположенных к нему людей. В мае 2000 г., когда он отмечал свое 80-летие, об этом доброжелательно сообщали почти все серьезные СМИ России. «Папе «стукнуло» 80 лет. Но он никогда не будет дедушкой!» — писал 18 мая Олег Шевцов в «Комсомольской правде», а затем переходил к серьезной констатации фактов:

«Первый Папа — поляк и вообще первый выходец из Востока Европы — ознаменовал целую эпоху не только в католицизме, но и во всей современной истории. Его пребывание на Святом престоле всегда будет ассоциироваться с сокрушением Берлинской стены и возрождением христианства и демократических идеалов в Восточной Европе».

В тот же день Юрий Коваленко в «Новых Известиях» описал симпатию Папы к православию и славянам и указал главные, по его мнению, причины неудач в стремлении к диалогу с Москвой:

«Папе так и не удалось осуществить две заветные мечты — побывать в Китае и России. «Мне хочется, — говорил он — чтобы под сводами Ватикана чаще звучала русская речь». Он даже опубликовал программную энциклику «Свет с Востока», в которой призывал к преодолению раскола церквей. Российские ватиканисты рассказывали мне, что славянское прошлое Папы очень чувствуется. Он выступает за необходимость единства славян, за сохранение их культурной самобытности. Однако Россия и Римская Католическая Церковь на протяжении веков находились в состоянии перманентной идеологической конфронтации. (...) Русская Православная Церковь (...) по-прежнему — и не без оснований — опасается «агрессивного прозелитизма» со стороны Ватикана. «Великим счастьем» назвал избрание Иоанна Павла II Александр Солженицын, который в свое время высоко оценил его деяния. Однако Ватикан, по мнению писателя, должен заниматься своей упущенной паствой, а не стараться воспользоваться пустыней в России и занять ее под католицизм...»

По тому же пути пошел Сергей Бычков в статье «Аэропапа», напечатанной в «Московском комсомольце» тоже 18 мая 2000 года. Прежде всего он подчеркнул заслуги Иоанна Павла II в деле приведения католической Церкви в порядок в период смуты на

латинском Западе. Войтыла, по его мнению, оказался тут, к счастью, «больше папой, чем поляком». А двумя главными причинами тупика в отношениях между Римом и Москвой Бычков считает конфликт между греко-католиками и православными на Украине и антикатолические «козни» митрополита Кирилла. Иоанну Павлу II, пишет он, «так и не удалось наладить отношения с Русской Православной Церковью. Его намечавшаяся встреча со Святейшим Патриархом Алексием II в Вене в 1997 году была сорвана благодаря проискам председателя Отдела внешних церковных сношений, митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева). Этот эпизод до сих пор омрачает отношения между Католической и Православной Церквами».

Уже после смерти Иоанна Павла II о его личности и свершениях весьма положительно отзывались те русские, кому довелось встречаться с ним лично и кто в период его понтификата — каждый по-своему и в разное время — оказывал огромное влияние на российскую политику.

Михаил Горбачев в интервью «Новой газете», назвав Папу «гуманистом номер один», говорил: «Очень тепло относясь к России, российской культуре и российским людям, мечтая о поездке в нашу страну, он сказал знаменитую фразу: «Европа должна дышать обоими легкими»». А в беседе, транслировавшейся по итальянскому телевидению РАИ, Горбачев доказывал, что «без Папы Римского Берлинская стена никогда бы не пала»...

Солженицын же сказал, что скончавшийся Папа «был великий человек», «повлиял на ход всей мировой истории», «отменно выдается из многовековой череды римских пап», «его неутомимые пастырские поездки по всему миру доносили тепло христианства повсюду»...

Президент Путин в телеграмме с соболезнованиями писал: «Ушел из жизни выдающийся деятель современности, с именем которого связана целая эпоха. Многогранное и неустанное пастырское служение Иоанна Павла II, направленное на построение более справедливых международных отношений, формирование общества на принципах гуманизма и солидарности, укрепление духовных и нравственных начал в жизни человека, снискало ему безмерную любовь католиков всего мира, заслуженное уважение сотен миллионов людей разных вероисповеданий и национальностей. Это был мудрый, отзывчивый и открытый для диалога человек». Напомним, что Путин весьма положительно говорил о Папе еще несколькими годами

раньше, накануне своего пока что единственного государственного визита в Польшу, в феврале 2002 года. Вот фрагмент из интервью, которое он дал тогда главному редактору «Газеты wyborчей» Адаму Михнику.

На вопрос: «Папа Иоанн Павел II, поляк, очень хотел бы поехать в Москву. Исполнится ли эта мечта, зависит от вас...» — Путин отвечал: «Может быть, вы обратили внимание на то, что я отношусь к Папе с огромным уважением. Я был у него в Ватикане. Я благодарен ему за теплый прием. (...) В отношениях между Россией и Ватиканом нет никаких проблем. Я в любой момент готов пригласить Папу. Но он сам — если уже ехать в Москву — хочет, чтобы это был полноценный визит, что означает установление полных отношений с Русской Православной Церковью» (здесь и далее — в обратном переводе с польского по тексту «Газеты wyborчей». — Пер.).

Михник продолжал допытываться: «Верите ли вы, что при вас на посту президента Россия примет польского Папу?» Тут Путин отвечал: «Да, и это приятная надежда. Повторю: это рождает даже некоторое чувство гордости».

Думаю, что президент РФ был дважды прав, но в то же время ошибался в одном крайне важном пункте. Он был прав, утверждая, что Иоанн Павел II решит приехать в Россию, только получив приглашение от Русской Православной Церкви. Кроме того, в самом начале 2002 г. президент верно ощущал в России благоприятную атмосферу для приезда Папы. Но решительно ошибался, утверждая, что от него как президента РФ Папа не ожидал приглашения, считая такое приглашение «неполноценным». Нет — оказывается, ожидал...

Осмелюсь привести здесь отрывок из беседы с Иоанном Павлом II, которая состоялась у меня самого в Кастель-Гандольфо 28 июля 2000 г., т.е. меньше чем через два месяца после аудиенции, которую он дал Путину в Ватикане. Я тогда готовил книгу «Большая Европа. Папа о России и Украине» и получил возможность встретиться с Иоанном Павлом II. Беседа за ужином продолжалась час и касалась, в частности, Вл. Соловьева, Достоевского и Солженицына, а под конец — как раз в то время запланированного паломничества Папы на Украину. Понтифик мимоходом упомянул советских и российских политиков, побывавших на его аудиенциях. Приведу точно записанные мною на следующий день слова Папы из этого разговора и их контекст: ««Был тут Горбачев, Ельцин, даже этот... Громыко» (Иоанн Павел сказал это с легкой улыбкой)... О Путине: «Теперь он рассказывает, что пригласил меня, но не

приглашал»». Прибавлю, что в последних словах слышалось серьезное разочарование.

Раньше я рассказывал Иоанну Павлу II о том, какой симпатией пользуется он среди русских. Папа ответил: «Ну, вы возвращаетесь в специфических кругах. С русской Церковью трудно — не то что с румынской». Да, сегодня мы знаем, что РПЦ действительно не допустила приезда Папы в Москву ни в XX, ни в XXI веке. Тем не менее он пользовался в России симпатией не только в «специфических кругах», но и среди самых простых людей. Об этом ярко свидетельствуют результаты «папских опросов», проводившихся в 2001–2005 г. в Российской Федерации весьма серьезными центрами опросов общественного мнения.

Гипотетическое паломничество

Первый «папский опрос» под названием «Гипотетическое паломничество Папы римского в Россию» был проведен 27 июня 2001 г. в 33 регионах РФ с участием 1600 респондентов. 49% опрошенных назвали себя православными, 13% вошли в рубрику «католики, протестанты, другие христианские вероисповедания», 6% — «мусульмане», и 24% заявили, что они неверующие. На вопрос: «Вы были бы за или против сближения между Православной и Католической церковью?» — положительно («определенно за» и «скорее за») ответили 35% опрошенных, отрицательно («скорее против» и «определенно против») — 29%, а 33% «затруднились ответить». Еще лучше, если подходить к мнениям с точки зрения экуменизма, выглядят ответы на вопрос: «Как бы вы отнеслись к визиту Папы Римского Иоанна Павла Второго в Россию?» — тут «за» был 61%, а против — только 17. Этот оптимизм, однако, умеряли ответы на третий вопрос: «Если Русская Православная Церковь будет возражать против визита Папы Римского Иоанна Павла Второго, как вы думаете, стоит ли президенту или правительству все же пригласить Понтифика в Россию?» Только 32% опрошенных ответили «да», а «нет» — 45.

Второй опрос проводился в июле 2001 г., сразу после паломничества Папы на Украину. Интересно, что большинство российских граждан — в том числе и тех, кто в рамках опроса назвал себя православными, — вовсе не обижались на Папу за его паломничество в Киев и Львов. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты опроса, во время которого «да» или «нет» служило ответом на вопрос, должен ли после этого Иоанн Павел II приехать в Россию: 61% опрошенных были бы удовлетворены его приездом, и только 29% выступали против. Но опять-таки: при условии, что РПЦ этому воспротивится,

число сторонников паломничества снижалось до 31%, а противников — возрастало до 43%.

Третий опрос, проведенный в марте 2002 г., проходил прямо после виртуального «приезда» Иоанна Павла II в Москву — телемоста между Ватиканом и российскими католиками, собравшимися в московском храме Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии. Опрос показал, что около трети российских граждан согласны с отрицательной оценкой, которую дал телемосту Патриарх Алексий II. 30% опрошенных сочли, что Патриарх справедливо признал это ватиканское мероприятие «вторжением католиков на Русь», 28% отвергали такое обвинение, а 37% не имели мнения на этот счет.

Четвертый и последний «папский» опрос был проведен в апреле 2005 г., сразу после смерти Иоанна Павла II. 40% опрошенных при известии о смерти Папы испытали «чувство горечи и скорби», а 52% ничего такого не почувствовали. Для 40% покойный Папа был только «руководителем католической церкви», но 49% признали его «одним из мировых лидеров современности, нравственным авторитетом для многих людей разных стран и вероисповеданий». По мнению 32% опрошенных, отношения между православной и католической Церковью были «достаточно близкими и дружественными», по мнению 42% — обе Церкви «должны больше сблизиться».

«От мнений к пониманию»

Так звучит девиз интернет-страницы «Аналитического центра Юрия Левады». Сам Левада под тем же заглавием издал в 2000 г. книгу, на шестистах страницах которой объяснял самые типичные общественно-политические явления в России за период 1993–2000 гг. Воспользуемся его методом и попробуем объединить мнения российских граждан о Папе Римском и его потенциальном паломничестве в Россию, собранные в 2001–2005 гг., в какое-то рациональное целое.

1. Граждане РФ несомненно относились к Папе-поляку с уважением. Поэтому целых 40% — несмотря на трагедии, пережитые Россией в последнее десятилетие, — испытали после смерти Иоанна Павла II «горечь и скорбь». И еще большее число (49%) признало Папу «одним из мировых лидеров современности, нравственным авторитетом для многих людей разных стран и вероисповеданий».

2. Опрошенные проявили немалую готовность к взаимопониманию с католиками — об этом свидетельствуют ответы на вопрос об отношениях между Церквями. 71%

высказался за дружественные отношения и сближение между Восточной и Западной Церковью.

3. Антиэкуменическая ниша в России — подчеркнем, что только 6% сочли, что Церкви «слишком сблизились», — значительно расширяется, получая поддержку от Патриарха. И Патриарх, и другие иерархи РПЦ оказывают в России сильное влияние на оценку отношений православия и католичества. Если Алексей II что-то в этой сфере оценит негативно — а в рассматриваемый период он давал такую оценку весьма часто, — число противников деятельности Папы сразу возрастает.

4. В результате все внешние факторы, которые укрепляли негативное отношение Московской Патриархии к латинскому Риму, оказывали почти прямое влияние на снижение поддержки католиков и Папы среди российских граждан. Я уверен, что если бы в феврале 2002 г. был проведен опрос в связи с учреждением католических епархий в РФ, то большинство опрошенных не одобрили бы это решение Ватикана. А это прямо влекло за собой снижение симпатий к Папе-поляку и ослабляло готовность верующих и неверующих граждан приветствовать его приезд в Россию.

5. В России в 2001–2005 гг. постоянно росло одобрение идеи сближения обеих Церквей. В июне 2001 г. сторонников сближения насчитывался 31%, а в апреле 2005-го — уже 45, и вдобавок они выражали свое мнение весьма решительно.

Униатский вопрос

Сегодня, пожалуй, все уже забыли, что паломничество Иоанна Павла II в Россию ближе всего к осуществлению было в 1988 г, во время празднования тысячелетия Крещения Руси. Михаил Горбачев, встретившийся с Папой в Ватикане 1 декабря 1989 г., так вспоминал об этих событиях сразу после смерти Папы:

«Моя первая встреча с Иоанном Павлом II произошла в 1989 г., хотя заочные отношения начались на год раньше, в год тысячелетия Крещения Руси. Тогда делегация Ватикана во главе с кардиналом Агостино Казароли вручила мне письмо от папы, причем впоследствии наша переписка и наши контакты продолжались много лет, вплоть до самого последнего времени».

Почему же тогда паломничество так и не состоялось? Объяснение мы можем найти в словах самого Папы того времени:

«Паломничество всегда должно проходить в духе правды, и это касается прежде всего существующей в Советском Союзе католической Церкви. (...) Тут мы подходим к самой большой трудности. Там живут католики не только латинского, но и восточного, византийского обряда. Это прежде всего представители украинского народа, которым отвечает Украинская Католическая Церковь с иерархией на Западе. (...) Эта Церковь на протяжении поколений и веков была верна Апостольскому престолу и епископу Рима — Папе. Эта верность (...) обязывает меня в равной мере оставаться верным им (...)».

Диалогу Иоанна Павла II с православием у самых его истоков препятствовал прежде всего тот факт, что Папа неустанно защищал Украинскую Католическую Церковь. Украинские униаты в свою очередь — после периода героической и мученической жизни в подполье в сталинские, хрущевские и брежневские времена — при Горбачеве начали выходить из подполья и хотели существовать легально. Любопытно читать сегодня статью «Молитва на улице Горького», напечатанную в «Московских новостях» 11 июня 1989 г. и рассказывающую о греко-католиках из Львова и Львовской области, прибывших в большом количестве в Москву, чтобы провести здесь католическое богослужение восточного обряда и добиваться официального признания государством. Уже в декабре того же года во Львовской области были зарегистрированы двести униатских приходов, а в январе 1990-го в самом Львове, в церкви Преображения Господня, была отслужена первая с 1945 г. легальная греко-католическая литургия.

Между тем отношения Ватикана и Московской Патриархии при Горбачеве всё ухудшались. РПЦ выступала против легализации униатов, а на самой Западной Украине дело доходило до самых мрачных актов мести. Униаты силой отбирали храмы у православных, мотивируя это желанием возвратить то, что они имели до 1946 года. Хотя ни Ватикан, ни Папа, разумеется, ничего общего не имели с подобными операциями, но, по мнению Москвы, Рим и его духовный вождь-попьяк несли долю ответственности за происходящее.

Отзвуки этого конфликта, к сожалению, слышны и сегодня. В августе 2005 г. Украинская Греко-католическая Церковь официально перенесла свою митрополию из Львова в Киев, а кардинал Любомир Гузар, архиепископ Львовский и глава украинских греко-католиков, принял титул «верховного архиепископа Киево-Галицкого». Эти административные акты вновь вызвали бурные протесты православной Москвы, пророссийских исповедников православия на Украине и — last

but not least — группы киевских антиевропейских политиков, которые усмотрели в этом козни Польши и Запада. Во время богослужения в Киеве с возведением кардинала на Киево-Галицкий архиепископский престол раздавались крики с обвинением униатов в том, что их поддерживают известные враги Украины — поляки и немцы. В 2006 г. униатский вопрос, рассматриваемый как неразрешимый конфликт, продолжает отравлять умы православных и греко-католиков на Украине. С одной стороны, латинскому Риму пора уже навеки отбросить униатство как метод «обращения православных», а с другой — Москве и другим православным Церквям пора признать существование нынешних униатских церковных структур.

Католические епархии в России

За весь день 16 октября 1993 г., в 15-ю годовщину своего понтификата, Иоанн Павел II принял на аудиенции только одного человека — Александра Солженицына. Темой их беседы было мученичество христиан под коммунистическим игом, падение коммунизма, положение в России и необходимость рехристианизации страны. Поляк и русский говорили также об отношениях между католической Церковью и православием. Сопровождавшая Солженицына Ирина Иловайская-Альберти так рассказывала в Италии, о чем шла речь:

«Солженицын в разговоре упрекал — не Папу, а католическую Церковь, — что на протяжении веков та свысока смотрела на православие как на какую-то худшую религию, а теперь, после падения коммунизма, пытается вести экспансию на территории России, назначая епископов и направляя миссионеров».

Папа в свою очередь напомнил Солженицыну, что «в России живут многочисленные католики — поляки и литовцы, украинцы и немцы, рассеянные в результате депортации — особенно в сталинские времена — по всей территории России. Католическая Церковь желает всего лишь обеспечить им опеку и пастырское окормление». Вопрос о католическом миссионерстве в России встал особенно остро после 13 апреля 1991 г., когда Ватикан учредил, еще в СССР, три «апостольские администрации». Их задачей была духовная и административная опека над римо-католиками Европейской части СССР, всей Сибири и Казахстана. Папа выражал тогда по этому поводу величайший оптимизм, отразившийся в его выступлении в Варшаве 9 июня 1991 года:

«Мы хотим, чтобы инициатива Апостольского престола, которую иногда определяли как молниеносную, выражая при

этом некоторую тревогу из-за того, что она была проведена в жизнь так быстро, — чтобы эта инициатива могла воплощаться в духе экуменического сотрудничества и диалога. Наверное вся эта гигантская территория — в каком-то смысле бывшей царской империи, но прежде всего Советского Союза — после 70 лет систематической, запланированной атеизации, идеологического и административного атеизма, как это называл покойный кардинал Вышинский, очень ждет трудов Церкви, миссии благовествования».

Сколь же иллюзорны были эти надежды... Церковь в России сочла эту «молниеносную инициативу» нарушением своей «канонической территории», имеющим целью оторвать верующих от православия. А 11 лет спустя после учреждения «административных» Ватикан, к сожалению, решил, что пришло время преобразовать их в епархии (диоцезы). Это произошло в тот момент, когда множество людей с обеих сторон жили надеждой на паломничество Иоанна Павла II в Россию. Однако слишком поспешное учреждение католических епархий в Российской Федерации окончательно испортило отношения Ватикана с Россией на все оставшееся время понтификата Иоанна Павла II. Тот, кто хотел этим административным актом укрепить католическую Церковь в России, невольно достиг противоположного результата. А несколько дней пребывания Папы в Москве, Петербурге, Новосибирске или Иркутске дали бы тамошним католикам куда больше, чем учреждение хоть десятка епархий.

Прибавим, что в этом конфликте сталкиваются два разных типа интересов и восприятия. Апостольский престол после падения коммунизма впервые в истории получил возможность дать пастырское окормление всем католикам, живущим на исторической территории русского православия, — полякам, украинцам, литовцам, немцам... Однако мы видим, что не только иерархия Московского Патриархата, но и выдающиеся умы России — даже так дружелюбно настроенные к Папе, как Солженицын, — сочли подобные шаги попыткой оторвать верующих от православной Церкви.

Польша, Украина и Белоруссия

Иоанн Павел II с самого начала своего понтификата стремился заставить латинский Запад увидеть, что на Востоке под коммунистическим игом живут еще и православные народы, которые имеют полное право участвовать в религиозной и политической жизни Европы. Он говорил Андре Фруассару, что в прежней Польше встретились две ветви христианства: западная, с центром в Риме, и восточная, идущая от Византии:

«Нелишне напомнить, что апостолы славян, свв. Кирилл и Мефодий, родом были из Фессалоник и что церковно и культурно они находились в сфере Константинополя; в то же время известно, что для своей миссии среди славян они искали поддержки и утверждения в Риме. (...) Связь с Римом и западной культурой сформировала целое тысячелетие христианства и нации. Однако в то же время, особенно с момента унии с Литвой в конце XIV века, Польша вступила в тесные связи с народами Руси (жившими к югу и северу от линии Львов—Киев) и тем самым с восточными традициями. Отсюда и исходит то наследие встречи Востока и Запада».

В 1999–2001 гг., когда я писал книгу «Большая Европа», я видел в этом высказывании только и исключительно прекрасный пример экуменизма и национального универсализма, опирающегося на неизвестные в латинской Европе страницы истории Польши и православного Востока. Сегодня, однако, я вижу в этих словах Папы еще и один из источников его конфликта с православной Россией после 1991 года. Снова сошлюсь на полемику Папы с Солженицыным, на этот раз косвенную. Когда Папа похвалил «молниеносное решение» Ватикана учредить в уже разваливавшемся СССР апостольские администрации, он добавил:

«Мы знаем, что в течение веков все эти [украинско-белорусские] территории были предметом не — как написал в какой-то брошюре Солженицын — польской колонизации, но частью общего государства, общей Речи Посполитой, Commonwealth Польши, Литвы и Руси. Эти народы стремятся к своей автономии, к своему самоопределению, стремятся стать субъектом истории, в том числе и субъектом политическим. (...) Мы радуемся такому развитию, такому созреванию наших восточных соседей. Мы жаждем помочь им прежде всего в области религии, в области евангелизации. Думаем, что в этом (...) великом процессе содержится также (...) какое-то наследие той общности народов, которая существовала на этих землях несколько столетий, во всяком случае со времен крещения Литвы, т.е. с конца XIV века. Я говорю это по сердечной потребности, ввиду присутствия наших дорогих братьев из Львова».

Говоря о «брошюре» Солженицына, Папа, вероятно, имел в виду его статью «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» из сборника «Из-под глыб» (1974), где писатель в общем виде представил взаимные вины Польши и России друг перед другом. Начал он с российских (разделы Польши, русификация, пакт Риббентропа—Молотова,

неоказание помощи Варшавскому восстанию в 1944 г.), а затем писал:

«В предыдущие века расцветная, сильная, самоуверенная Польша не короче по времени и не слабее завоевывала и угнетала нас. (XIV–XVI века — Галицкую Русь, Подолию. В 1569 г. по Люблинской унии присоединение Подлясья, Волыни, Украины. В XVI-м — поход на Русь Стефана Батория, осада Пскова. В конце XVI в. подавлено казачье восстание Наливайко. В начале XVII-го — войны Сигизмунда III, два самозванца на русский престол, захват Смоленска, временный захват Москвы; поход Владислава IV. В тот миг поляки едва не лишили нас национальной независимости, глубина той опасности была для нас не слабей татарского нашествия, ибо поляки посягали и на православие. И у себя внутри систематически подавляли его, вгоняли в унию. В середине XVII-го — подавление Богдана Хмельницкого, и даже в середине XVIII-го — подавление крестьянского восстания под Уманью. (...) В наше Смутное Время восточная экспансия Польши воспринималась польским обществом как нормальная и даже похвальная политика. Поляки представлялись сами себе — избранным божьим народом, бастионом христианства, с задачей распространить подлинное христианство на полуязычников-православных, на дикую Московию, и быть носителями университетской ренессансной культуры».

Весьма ясно видны в приведенных высказываниях: «польском» Иоанна Павла II и «русском» Александра Солженицына фундаментальные различия в нравственной и религиозно-культурной оценке отношений между обоими народами в XIV–XVIII веках. Папа видит здесь, особенно после унии с Литвой, «Commonwealth Польши, Литвы и Руси», ставивший одновременно плотину московской экспансии. А Солженицын находит в том же периоде, который, по его мнению, достиг апогея во время Смуты начала XVII века, доказательства польского экспансионизма по отношению к Руси и России, латинское презрение к православию и желание обратить Москву в католичество.

Безусловно, в истории дело обстояло и так, как об этом пишет Солженицын. Кроме того Иоанн Павел II по доброте слишком идеализировал нашу историю времен Ягеллонской династии: с точки зрения украинцев и белорусов, сегодня невозможно говорить о «Commonwealth Польши, Литвы и Руси». Но зато Войтыла был совершенно прав, в 1991 г. открыто выступив за стремление Литвы, Белоруссии и Украины «к своей автономии, к своему самоопределению», к тому, чтобы «стать субъектом

истории, в том числе и субъектом политическим». Еще более четко он сказал об этом в июне 2001 г. во время паломничества на Украину, происходившего, как мы помним, под громкие протесты Московской Патриархии. Папа сделал там очень многое для укрепления национального и европейского сознания украинцев. Жаль, что не дано ему было побывать в Белоруссии.

В России же, в националистических кругах, еще в конце президентства Ельцина, а потом уже при Путине, подобные шаги стали восприниматься как проявление нового альянса папского Рима с польским экспансионизмом, корни которого лежат еще в эпохе Ягеллонов. Эти старые страхи, к сожалению, и по сей день не исчезли. А ведь после признания религиозной, культурной и политической независимости украинского и белорусского народов исчезает и важнейшая основа векового спора Польши и России. Сегодняшняя Польша вовсе не хочет — как некогда опасался Достоевский, а теперь, после «оранжевой революции», опасаются многие русские, — занять место России в славянском мире. Тем более не стремится к этому Ватикан.

Трудное прошлое — а какое будущее?

Все эти препятствия диалогу Иоанна Павла II с Россией уходили прочными корнями в историю, особенно в историю Восточной и Центральной Европы, а также в конфликты православия с католичеством на этих землях. И, пожалуй, не было такой силы, которая за время понтификата Иоанна Павла II уже смогла бы преодолеть то, что копилось веками. Другое дело, нужно ли было, чтобы все эти препятствия к встрече Папы-поляка с Россией выступали с такой силой и демонстративностью?

Нужно ли было украинским греко-католикам силой отнимать у православных те храмы, которые у них когда-то тоже силой отобрали? Нужно ли было Русской Православной Церкви подчеркивать «нелегальность» Украинской Греко-католической Церкви? Следовало ли той же РПЦ после 1991 г. заключать такой тесный союз с властью и поворачиваться спиной к Западу и католичеству? Нужно ли было ватиканской курии и католическим иерархам в России — пусть и справедливо защищая гражданские права своих верующих в Москве, Новосибирске, Иркутске — так спешить с учреждением католических епархий в РФ? Разве что какой-нибудь запоздалый марксист ответит, что во всем этом была историческая необходимость. Но, с другой стороны, Папа (кроме вопроса об этих неудачных епархиях) не мог оказать

влияния на «негативные действия» — ни православных, ни, к сожалению, греко-католиков.

У меня складывается твердое впечатление, что одна сторона — католическая — слишком хотела помочь Папе «завоевать Кремль», а другая — православная — ставила засеки, чтобы он туда не въехал. Самому же Иоанну Павлу II нужно было совсем не это — Кремль он завоевывать не собирался. Зато, вопреки своим недругам и не чувствительным к православию сторонникам, он в самом деле очень многого достиг в диалоге с христианским Востоком, особенно Россией и Украиной. С сегодняшней точки зрения об этом можно написать солидную монографию в пользу экуменизма и диалога народов в Европе «от Атлантики до Урала». И сознавать, что как раз эта часть учительства Папы-поляка должна стать фундаментом диалога Рима с Москвой в понтификат нового Папы — на этот раз немца.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• 11 ноября — День независимости. «Ноябрь 1918 года. Радость, энтузиазм, атмосфера большого праздника. Все это было. И именно так мы представляем себе первые мгновения после обретения независимости. Однако Юзефу Пилсудскому те дни, а также первые месяцы созидания польского государства запомнились как один сплошной кошмар. Будучи начальником [главой] государства, он пытался склонить политиков из разных партий к взаимодействию на благо страны. Это удавалось со скрипом, поскольку «каждый из них требовал применить его рецепт спасения Польши, несмотря на то что все они были бессильны и сами не уверены в действенности этих рецептов»». (Томаш Станчик, «Жечпосполита», 10–12 ноября)

• Ярослав Марек Рымкевич, поэт: «Я уже старик, недавно мне исполнился 71 год. В своей жизни я видел разные неприятные и даже ужасные вещи — впрочем, как каждый, кто жил в ту эпоху. Теперь начинается какая-то новая эпоха. Этих ужасных, нехороших вещей становится все меньше, зато появляется все больше хорошего. И, исходя из всего моего жизненного опыта, я могу сказать: никогда еще в Польше (по крайней мере за последние 70 лет) не жилось так хорошо и приятно, как сейчас. Никогда здесь не было столько свободы, сколько есть сейчас. Польша никогда не была так счастлива, как сейчас. Для меня это большая радость, ибо на старости лет мне был дан великий дар — на мгновение, краем глаза, мне удалось увидеть Польшу счастливой». («Дзенник», 25 окт.)

• Михай Дьёр, посол Венгерской Республики в Польше: «По случаю 50-й годовщины Венгерской революции от имени своих соотечественников и государственных властей я хочу поблагодарить всех поляков, которые полвека назад словом и делом выразили свою симпатию к нашей революции, позволив нам надеяться на свободу поверх национальных и государственных границ (...) Невозможно поблагодарить лично каждого, кто сдавал кровь, проводил сбор денег, организовывал уличные демонстрации и почетные караулы или, желая прийти на помощь братьям-венграм, пытался добраться до мест боев. Невозможно найти всех, кто участвовал в отправке эшелонов с помощью для сражавшегося Будапешта, кто

наперекор цензуре писал о наших событиях с нескрываемой симпатией к венгерским переменам, а после подавления восстания в знак солидарности вывешивал венгерские флаги на общественных зданиях и принимал детей повстанцев. Были и такие, кто подключался к нашему протесту или прятал покинувших Венгрию повстанцев». («Газета выборча», 21–22 окт.)

- «Это должен был быть концерт в пользу Чечни. Когда в субботу организаторы узнали о смерти российской журналистки, они решили посвятить его памяти Анны Политковской. В концертном зале «Редута» собрались сотни тысяч человек с зелеными ленточками в знак солидарности с Чечней (...) Анна Белянская, бывшая активистка «Солидарности», объясняет, почему она пришла в «Редуту»: «Я считаю, что помочь стране, которая борется за независимость, — это мой долг» (...) Почетным гостем на концерте была Алла Дудаева — вдова Джохара Дудаева». («Жечпосполита», 9 окт.)

- «В день Поминовения усопших верующие молятся о спасении душ умерших. Еще вчера, в день Всех святых, кладбища (и не только польские) светились тысячами огоньков (...) В этом году поляки особенным образом помянули тех, кто похоронен на львовском Лычаковском кладбище, одном из старейших и крупнейших польских некрополей, а также на кладбище Львовских Орлят. На этих кладбищах зажглись почти 20 тыс. свечей, собранных жителями польского Подкарпатья. Свечи зажигали харцеры, ученики польских школ Львова (...) а также лычаковские экскурсоводы, журналисты и львовские поляки. Акция «Огонек для Лычакова» прошла под патронажем польского консульства во Львове, Польского радио во Львове, а также общества «Вспульнота польска» («Польская община»)). («Жечпосполита», 2 ноября)

- «Умер Геннадий Жаворонков — один из первых советских журналистов, написавших правду о Катыни. Его статья «О чем молчит Катынский лес», напечатанная в «Московских новостях» в 1989 г., стала первой обширной публикацией в советской прессе на тему преступления НКВД против польских офицеров в Катыни. В ней Жаворонков представил общественному мнению результаты частного расследования катынского преступления, проведенного в конце 80-х офицером смоленского КГБ Олегом Закировым». («Газета выборча», 10–12 ноября)

- «Почти двести хасидов приехали на несколько дней в Польшу, чтобы помолиться на могиле цадика Исаака Менахема Менделя Данцигера из Александрова-Лодзинского. В субботу

исполняется 63 года со дня его смерти. В Лодзь из Израиля приехал, в частности, цадик Александр, потомок Данцигера. Это первое после войны посещение города еврейским духовным лицом такого ранга (...) Последний цадик [из Александрова-Лодзинского] погиб в Треблинке. Несмотря на это, его ученики воздвигли в Александрове его символическую могилу. Хасиды верят, что в годовщину смерти душа цадика приходит на могилу и слушает просьбы, с которыми евреи обращаются к Богу». («Дзенник», 21-22 окт.)

- «Более ста еврейских детей спасли во время II Мировой войны работники варшавского «Дома маленьких детей» на Новогродзкой улице. За это институт «Яд Вашем» присвоил бывшему директору детдома Марии Вежбовской звание «Праведника среди народов»». («Жечпосполита», 30 окт.)

- Генрик Гринберг, прозаик, поэт, драматург и эссеист, автор почти 30 книг: «Памятники воздают должное тем, кому они поставлены, и учат тех, кто на них смотрит. Кому воздает должное и чему учит пятиметровый памятник Роману Дмовскому в самом сердце польской столицы, на Королевском тракте — прекраснейшей трассе, которую не обойдет стороной ни один польский или иностранный турист, ни одна школьная экскурсия? (...) Скажи мне, кого ты чтить, и я скажу тебе, кто ты. Почему тень Дмовского падет на Польшу и поляков? Господа, коллективная ответственность существует — особенно в свободной и независимой стране. Напрасны голословные утверждения, что «в Польше нет места антисемитизму», коль скоро оно есть, причем почетное, на высоком пьедестале». («Впрост», 2 ноября)

- «Около 50 еврейских и цыганских детей спасла в годы II Мировой войны цыганка Альфреда Марковская. За это президент Лех Качинский наградил ее вчера командорским крестом и звездой ордена Возрождения Польши. 80-летняя ныне Альфреда Марковская во время войны искала детей на местах казней, выкрадывала их из эшелонов, шедших в концлагеря (...) Вчера в президентский дворец прибыли многочисленные цыгане. Председатель Союза польских цыган Роман Хойнацкий сказал: «Впервые в истории Польши высшей государственной награды удостоилась цыганская женщина — польская гражданка»». («Газета wyborча», 18 окт.)

- «Лауреатом премии им. Ежи Гедройца стал создатель «Новой Польши» Ежи Помяновский, удостоившийся этой награды за вклад в дело сближения поляков и россиян. «Это во всех отношениях достойный кандидат», — сказал президент Лех

Качинский на церемонии вручения премии в [варшавском] Королевском замке». («Жечпосполита», 10-12 ноября)

- «Проект «Уикенд в Польше» придумал Куба Михаловский из инициативной группы «Свободная Белоруссия». МИД выделил на осуществление этого проекта 270 тыс. злотых, Клуб католической интеллигенции предоставил помещение, консульства предложили бесплатные визы (...) Каждую пятницу 20 белорусов (...) приезжают в Варшаву на занятия. Проект предназначен для лиц от 18 до 27 лет, которые никогда не были в Польше или были там очень недолго. До декабря в нем примут участие около 250 человек. В течение трех дней участники программы (...) ходят на занятия, посвященные демократии, СМИ, а также неправительственным организациям и гражданским инициативам». («Газета wyborcza», 28-29 окт.)

- «В воскресенье днем 249 белорусских коров (...) переправились вплавь через [польскую] границу. Пограничники лишь бессильно разводили руками: «Не будем же мы в них стрелять». Коровы обосновались на выпасе в Янове-Подляском и не думают возвращаться (...) Они ожидают отправки домой в окружении дружественного польского стада. За аренду нескольких грузовиков заплатит белорусская сторона. Расходы по содержанию животных в Польше предложил покрыть владелец польского стада». («Дзенник», 19 окт.)

- «В Польше растет сознание того, что мы слишком зависимы от «Газпрома» и должны диверсифицировать направления поставок газа. Однако долгое время шел спор, насколько такая ситуация опасна и действительно ли Россия готова прибегнуть к газовому шантажу. Оказалось, что готова и, хуже того, все чаще к нему прибегает. Мы уже пережили два газовых кризиса — в 2004-м и в начале 2006 года. Хотя мы и не участвовали в споре, нам довелось ощутить его последствия. Ведь если «Газпром» перекрывает газ западным соседям России, то до нас он тоже не доходит. Отсутствие газа только в одном газопроводе с востока почти немедленно вызывает трудности со снабжением Польши». (Адам Гжещак, Марек Островский, «Политика», 21 окт.)

- Европейский парламент одобрил действия тех лидеров стран ЕС, которые на встрече в верхах в Лахти, подобно президенту Леху Качинскому, обратили внимание России на вопрос прав человека в Чечне и напряженные отношения с Грузией. Председатель Европарламента Жозеф Боррель заявил, что ЕС не будет торговать правами человека за энергию. («Жечпосполита», 24 окт., «Газета wyborcza», 26 окт.)

• «Когда в резиденции канцлера началась совместная пресс-конференция [премьер-министра Ярослава] Качинского и Ангелы Меркель, информационные телеканалы прервали свои передачи и начали прямую трансляцию (...) Оба лидера заявили, что необходимо проводить общую энергетическую политику и создавать общий рынок энергии (...) Польша согласна с концепцией восточной политики ЕС, которую разрабатывает Германия. Берлин предложит Украине различные привилегии, а к России порекомендует относиться как к важному партнеру, но сдержанно. Качинский требует письменно подтвердить перспективу вступления Украины и Грузии в Евросоюз (...) Германия хочет вернуться к проекту европейской конституции (...) Польский премьер подчеркнул, что новая конституция должна ясно говорить об общей энергетической политике и о европейской армии». («Газета wyborcza», 31 окт. — 1 ноября)

• «Вчера в Лондоне президент Лех Качинский встретился с премьер-министром Тони Блэром. Одной из главных тем беседы стала энергетическая политика. Польша хотела бы, чтобы энергетической политикой и переговорами с Россией, главным поставщиком нефти и газа [в Европу], занимался ЕС, а не отдельные страны-члены. Блэр поддержал эту идею, подчеркнув, что вскоре вопрос энергетической безопасности станет не менее важным, чем обороноспособность». («Газета wyborcza», 8 ноября)

• «После покупки Мажейкяйского нефтеперерабатывающего завода в Литве и «Унипетроля» в Чехии «Орлен» стал крупнейшей отдельной фирмой, покупающей российскую нефть. Одновременно он контролирует большую часть путей транспортировки нефти из России на Запад (...) Вильнюсское правительство с большим удовлетворением восприняло сентябрьское заявление президента Леха Качинского о том, что Польша планирует строительство энергетического моста (газопровода, нефтепровода и высоковольтной линии), который соединит Польшу и Литву». (Агата Яблонская, «Впрост», 29 окт.)

• «ПKN «Орлен» может купить Мажейкяйский НПЗ и тем самым стать крупнейшим топливным предприятием в Центральной Европе, простирающимся от Чехии до Литвы. Вчера Европейская комиссия дала согласие на эту сделку, оценив, что она не угрожает конкурентам». («Газета wyborcza», 8 ноября)

• «Азот и фосфор — отходы, стекающие в Балтийское море, — вызывают рост водорослей. Водоросли поглощают кислород, и таким образом на морском дне возникают т.н. зоны смерти —

места, где из-за недостатка кислорода жизнь почти замирает. Доля Польши в загрязнении Балтики фосфором и азотом самая большая. Наш годовой сброс азота в Балтийское море составляет 191 170 т., а фосфора — 12 650 тонн. Второе место занимает Швеция, сбрасывающая соответственно 153 070 и 4970 тонн. Далее идут Финляндия (101 660 и 4840 т.) и Россия (79190 и 4620 т.)). («Жечпосполита», 8 ноября)

- Ярослав Марек Рымкевич: «Если нас будет меньше, то меньше будет и мусора, бензиновых испарений, цемента. Зато будет немного больше ежей, сосенок, кротов и белок — а это будет весьма полезно для мира в целом». («Дзенник», 25 окт.)

- «Экспорт играет все более важную роль в нашей экономике. По оценке Конфедерации частных предпринимателей, в этом году его объем впервые превысит 100 млрд. долларов». («Газета wyborча», 8 ноября)

- В прошлом году мы экспортировали во Францию 1,2 тыс. тонн улиток. В основном это специально разводимые улитки, несколько более мелкие, чем виноградные. В Польше, как и на Западе, значительная часть популяции виноградных улиток погибла от химикатов, а также вследствие стихийного сбора. Несколько лет назад виноградная улитка была взята под охрану государством. (Войцех Маркевич, «Политика», 21 окт.)

- «Рост ВВП в третьем квартале может превысить 5,5%. Аналитики уже корректируют свои прогнозы. «Мы повысили прогноз по росту ВВП в третьем квартале с 5,2 до 5,6%, а годовой рост должен сложиться на уровне 5,3%», — говорит Майя Гёттиг, экономист банка БПХ. Такой же быстрый рост прогнозирует Институт изучения рыночной экономики (ИИРЭ) в своем недавно опубликованном отчете (...) Уровень безработицы неуклонно снижается — в прошлом месяце он составил 15,2%, т.е. был самым низким начиная с декабря 2000 года. За год число безработных уменьшилось на 48 тысяч, а к концу сентября без работы оставались 2,363 млн. человек (...) Экономисты из ИИРЭ считают, что к концу будущего года уровень безработицы составит 14,7%, а к концу 2008?го — 13,8% (...) Оплата труда в частном секторе растет в темпе около 5% в год, т.е. значительно медленнее, чем производительность». («Газета wyborча», 25 окт.)

- «Пятнадцатую степень почетного доктора добавил в свою коллекцию Лешек Бальцерович. На этот раз председателя Польского национального банка (ПНБ) удостоила этого звания вроцлавская Экономическая академия. Тем самым Бальцерович сравнялся с Лехом Валенсой, рекордсменом

Польши в этой области. Шансы (...) есть еще у Бронислава Геремека, обладателя одиннадцати почетных докторских степеней, и у десятикратного почетного доктора Анджея Вайды». («Впрост», 29 окт.)

- По сравнению с 1998 г. доля домашних хозяйств, зарабатывающих [в месяц] менее 1600 злотых, уменьшилась с неполных 70 до 40%. Одновременно число домашних хозяйств, чьи доходы составляют от 1600 до 2000 злотых, увеличилось с 15 до 30%, а число хозяйств с доходами выше 2000 злотых — с 16 до 20%. Покупательская способность среднестатистического жителя большей части польских гмин составляет 80% от средней по стране. Среднестатистический житель Варшавы может купить на 158% больше, чем среднестатистический поляк. Доходов 35% поляков не хватает на удовлетворение минимальных потребностей, в то время как 10% считают себя состоятельными людьми и не испытывают финансовых трудностей. В 2005 г. ВВП в пересчете на одного трудящегося составил у нас 35,5 тыс. долларов. Это всего лишь треть ВВП, производимого ирландцами. В секторе услуг польский ВВП составляет 44,1 тыс. долларов на одного трудящегося. В промышленности один трудящийся производит товаров на сумму 41,5 тыс. долларов. В секторе услуг, где производится почти 60% нашего ВВП, работает менее половины всех трудящихся, а в промышленности, производящей треть ВВП, — около 30%. Почти 20% трудящихся связаны с сельским хозяйством, чей вклад в ВВП составляет лишь 1%. Столь низкая производительность сельского хозяйства отражается на общем показателе Польши. (Рафал Писера, «Ньюсуик-Польша», 12 ноября)

- «Два года назад в Польше наступил период процветания. Но он не будет продолжаться вечно. Экономисты бьют тревогу (...) Виновато многолетнее бездействие. Не помогло и правительство «Права и справедливости» (ПиС) (...) Важнейшие реформы по-прежнему откладываются до лучших времен (...) Две недели назад BIEC (Bureau for Investments and Economic Cycles) предупредило, что показатель конъюнктуры падает». (Радослав Омахель, «Дзенник», 19 окт.)

- Премьер-министр Ярослав Качинский: «Отсутствие закона о свободе экономической деятельности — это поражение кабинета». («Газета wyborcza», 21-22 окт.)

- Проф. Ян Винецкий: «Похоже, что удержать бюджетный дефицит в пределах 3% удастся, когда рак свистнет (в этом мы приближаемся к Венгрии). А ведь государственный долг растет медленно, но неумолимо. В перспективе 2-3 лет нас ждет

превышение 55% ВВП и требуемое законодательством резкое сокращение расходов». («Дзенник», 14–15 окт.)

- Вчера на специальной пресс-конференции премьер-министр Ярослав Качинский подвел итоги работы своего кабинета за первые 100 дней. «Правительство выполняет свое предвыборное обещание солидарной Польши», — заявил Качинский. («Жечпосполита», 21–22 окт.)

- «В этом году за особые заслуги перед службой здравоохранения награжден Войцех Шрайбер, директор лодзинской больницы министерства внутренних дел и администрации, который не согласился уволить бастующих врачей. Ежегодно премия им. Алины Пеньковской присуждается медицинскими кругами на основе анкетных опросов журнала «Служба здравоохранения» и крупнейшего медицинского портала esku.pl. Весной Шрайбер воспротивился решению вице-премьера и министра внутренних дел Людвика Дорна (...) Директор получил приказ уволить бастующих врачей и отказался сделать это (...) В результате он сам был уволен». («Жечпосполита», 18 окт.)

- «В последние годы существования ПНР в центральной администрации работали 46 тыс. человек, которым помогали около 10 тыс. партийных функционеров. Сегодня, несмотря на то что большинство предприятий приватизировано, а государство ушло из многих областей нашей жизни, страной управляет армия из 116 тыс. чиновников (...) В бюджете на 2006 г. на канцелярию премьер-министра и 16 министерств выделено 1,7 млрд. злотых — на 300 миллионов больше, чем год назад. Появились три новых министерства и три тысячи новых штатных единиц». (Павел Врабец, «Политика», 11 ноября)

- «Десятитысячный городок Влоцкова — единственная станция на трассе Варшава—Краков, где останавливается экспресс, курсирующий между двумя метрополиями. Этого добился родившийся в тех краях министр Пшемислав Госевский, вынудивший Польские государственные железные дороги (ПКП) ввести соответствующие изменения. По мнению экспертов, остановка скоростного поезда в такой маленькой местности не имеет экономического обоснования». («Тыгодник повсехный», 29 окт.)

- В этом году в Индексе восприятия коррупции, составленном организацией «Transparency International», «Польша с 3,7 баллами из 10 возможных заняла 61-е место среди 163 оцененных стран (...) Год назад мы были на 70-м месте. В этом году впервые за 10 лет Польша не опустилась, а поднялась в

рейтинге. Наименее коррумпированные страны — это Финляндия, Исландия и Новая Зеландия, получившие по 9,6 балла». («Газета выборча», 7 ноября)

- «Этический кодекс должен соответствовать условиям рынка». («Жечпосполита», 8 ноября)

- Проф. Януш Чапинский, социальный психолог: «В прошлом году 23% поляков испытывали приступы ярости или гнева. Десять лет назад в этом признавался 41% (...) Снижение уровня жизненного стресса вызвано тем, что в середине 90-х поляки воспользовались благоприятной ситуацией, начали обогащаться и довольно быстро улучшили свои экономические условия. Они перестали бояться будущего. Даже безработные убедились, что на пособие можно худо-бедно, но жить (...) Ужасно то, что мы ничего не сделали для построения гражданского общества; 90% поляков не доверяли и не доверяют никому, кроме ближайшей семьи и великих людей, символизирующих народ, таких как Иоанн Павел II. Ничто не смогло подвигнуть поляков выйти за пределы узкого круга собственных интересов. Об этом свидетельствуют самая низкая в Европе явка на выборы, нежелание объединяться, вместе заниматься какими-либо общественными делами. Зато в людях очень сильно ощущение, что другие только и ждут, чтобы нас обмануть, что мы должны быть бдительны (...) Почти три четверти людей, которых мы каждый день встречаем на улице, считают, что их кто-то обманул, обидел. Впрочем, по сравнению с недавним прошлым дела и так обстоят неплохо: согласно исследованиям проф. Богдана Войцешека, в 1994 г. так думали целых 84% опрошенных». («Ньюсуик-Польша», 12 ноября)

- Проф. Богдан Василевский, психиатр: «Это не близнецы [Лех и Ярослав Качинские] пришли к нам — это мы вызвали их к жизни, так как они были нам нужны (...) Кто-то должен был сказать нам, что очистит засорившиеся структуры, сделает возможной честную карьеру, даст место молодым, позаботится о тех, кто оказался на мели и вынужден справляться с этим сам. С точки зрения интеллигента мне это не очень нравится, но с точки зрения социальной динамики все это естественный ход вещей. Рождается что-то новое. Вопрос только в том, пройдут ли эти роды спокойно или наоборот (...) Все данные не оставляют сомнений, что у нас растет популярность авторитарного подхода. Мы идем все дальше в этом направлении». («Политика», 4 ноября)

- Проф. Марек Сафьян, уходящий со своего поста председатель Конституционного суда: «Попытки убедить людей в том, что

ситуацию изменит само принятие новой конституции и новых законов, весьма иллюзорны и наивны. Кроме того, правовую и гражданскую культуру нельзя основывать на запугивании населения и формально-ригористическом применении закона. Омерзение и тревогу вызывают у меня также участвовавшие случаи театрализации жизни: в аэропорту в присутствии камер производят арест бывшего вице-президента [заместителя мэра] Варшавы; подобным же образом в министерстве финансов арестовывают нескольких высокопоставленных чиновников и в наручниках выводят их из здания, а бывшего министра в 4 часа утра увозят из дому и везут через пол-Польшу, чтобы показать, как эффективно работают сотрудники полиции и спецслужб. Это вредит государству и нарушает человеческое достоинство. Суть правового государства заключается вовсе не в зрелищности (...) Суть в том, чтобы шаг за шагом начали лучше функционировать суды и органы государственной администрации, а государство стало ближе человеку и относилось к нему дружелюбно, а не враждебно». («Жечпосполита», 3 ноября)

• «Поп-культура прислушивается к голосу народа и реагирует на то, что слышит. Поэтому в Польше, как и в США, поднимается волна политической сатиры. Но хотя в нашей стране и нет цензуры, польские насмешки над властью не могут пробиться в официальные СМИ (...) Польская политическая культура оказалась на распутье. Пойдет ли она в сторону европейских и американских стандартов (...) или, может, в сторону российских обычаев?» (Филип Лободзинский, Роберт Зембинский, «Ньюсуик-Польша», 22 окт.)

• «Согласно опросу ЦИОМа, 54% поляков считают Польшу безопасной страной (...) 79% уверяют, что чувствуют себя в безопасности в своем районе или местности (...) Молодежи, вступившей во взрослую жизнь в 90-е годы, нынешний уровень преступности уже не кажется таким ужасающим, как их родителям, которые помнят времена, когда было гораздо безопаснее (...) Однако 44% поляков до сих пор считают, что живут в опасной стране, а 20% не чувствуют себя в безопасности даже в собственном дворе». («Дзенник», 20 окт.)

• «В среду в Польшу прилетели два первых [американских] самолета F-16. В четверг (...) еще две машины приземлились на аэродроме в Кшесинах — одной из двух польских баз, где они будут размещены (...) За 3,5 млрд. долларов Польша купила 48 новых самолетов [F-16 C/D Block+]». («Жечпосполита», 10-12 ноября)

- «Подводная лодка «Белик» отправилась (...) с миссией в Средиземное море. Лодка будет патрулировать этот район в рамках продолжающейся там с 2001 г. постоянной операции антитеррористических сил НАТО «Active Endeavour»». («Дзенник», 12 окт.)

- «В ночь с пятницы на субботу в окрестностях города Кут погиб сержант Томаш Мурковский. Он стал 22-й польской жертвой войны в Ираке (...) 30-летний Томаш Мурковский оставил жену и двух дочерей. Польша почтила его память минутой молчания во время празднования Дня независимости 11 ноября. Президент Лех Качинский посмертно наградил его недавно учрежденным орденом Военного креста». («Жечпосполита», 13 ноября)

- Журнал «Впрост» опубликовал список самых влиятельных людей Польши, составленный жюри, в состав которого вошли представители центров изучения общественного мнения, политологи, социологи и публицисты. Верхняя часть списка выглядит так: премьер-министр Ярослав Качинский (120 очков), президент Лех Качинский (72 очка), лидер оппозиционной «Гражданской платформы» (ГП) Дональд Туск (62 очка), лидер «Самообороны» Анджей Леппер (52 очка), вице-премьер и министр внутренних дел Людвик Дорн (51 очко), министр юстиции Збигнев Зёбро (50 очков), президент крупнейшего в Польше частного телеканала ТВН Петр Вальтер (50 очков), председатель ПНБ Лешек Бальцерович (49 очков), митрополит Краковский кардинал Станислав Дзивиш (47 очков). («Впрост», 22 окт.)

- «В давние времена, если уж человек становился партийным секретарем или функционером, то часто оставался им до конца жизни. Лишь уличные беспорядки, кровопролитие и поджоги парткомов могли заставить секретаря уйти по собственному желанию и по состоянию здоровья. Теперь динамика изменилась. В течение нескольких минут можно лишиться поста вице-преьера, а через несколько дней занять его снова. Сегодня сроки полномочий и карьеры не исчисляются годами. Улицы полны бывших премьеров, министров и статс-секретарей». (Кшиштоф Скиба, «Впрост», 22 окт.)

- «Все началось в Брюсселе, где 11 октября евродепутат Мацей Гертых организовал дискуссию, посвященную теории эволюции и ее преподаванию. В заключение дискуссии (...) ее участники пришли к выводу, что концепции, развивающие теорию Чарльза Дарвина, следует исключить из школьной программы (...) Однако евродепутат Мацей Гертых — еще и отец действующего министра образования, а тот

прокомментировал брюссельскую дискуссию так: «В конце концов теория эволюции — это только концепция, а не научный факт. У родителей должна быть возможность влиять на присутствие в программе той или иной теории (...) В Польше должно начаться широкое обсуждение этой темы». (...) «Теория эволюции — это ложь. Я уверен, что это ошибка, которую возвели в ранг обязательной правды», — заявил (...) замминистра образования Мирослав Ожеховский». (Эдвин Бендык, «Политика», 28 окт.)

• ««Нет противоречий между теорией эволюции и христианской концепцией творения», — подчеркнули католические преподаватели философии природы, в частности, архиепископ Юзеф Жицинский и свящ. Михал Хеллер. Распространенное в пятницу заявление стало ответом на критику эволюционизма евродепутатом Мацеєм Гертыхом и замминистра образования Мирославом Ожеховским. Католические ученые напомнили о выступлении Иоанна Павла II в Папской Академии наук в октябре 1996 г., когда Папа, в частности, сказал: «Нет противоречий между эволюционной теорией возникновения человека и христианской концепцией творения»». («Тыгодник повсехный», 29 октября)

• «Лодзинская епархиальная курия организовала курсы для учителей, помогающие определить, не одержим ли кто-либо из их воспитанников нечистой силой (...) Лекция «Различение духов и экзорцизмы в воспитательном процесса» прошла в часовне св. Урсулы Ледуховской в Лодзи (...) Послушать ее пришли более ста педагогов из начальных школ, гимназий и лицеев». («Дзенник», 14-15 окт.)

• ««Мы обязаны были проверить, почему Россия предоставила радиостанции отца Рыдзыка частоты, используемые армией», — сказал бывший высокопоставленный офицер Военной информационной службы (ВИС) (...) В 1997 г. российское министерство связи выдало торунской радиостанции лицензию на ретрансляцию передач из Краснодара на юге России в Казахстан и Сибирь для живущих там поляков. Ретрансляция ведется на частотах, предоставленных российской армией. Всепольский совет по телевидению и радиовещанию ничего не знал о договоре радио «Мария» с Россией. Когда дело открылось, о. Рыдзык в конце концов предоставил копию договора, но без важных дополнительных соглашений». (Войцех Чухновский, «Газета выборча», 8 ноября)

• «Конституционный суд постановил, что положения уголовного законодательства, предписывающие уголовную ответственность за клевету «при помощи средств массовой

информации», не противоречат основному закону и не нарушают конституционную свободу слова. Трое судей высказали особое мнение». («Тыгодник повшехный», 12 ноября)

- В рейтинге свободы печати, опубликованном организацией «Репортеры без границ», Польша заняла последнее место среди стран ЕС. Нас опередили не только остальные члены Евросоюза, но даже страны-кандидаты — Болгария и Босния и Герцеговина. («Газета wyborcza», 24 окт.)

- Ежи Щигел: «Я — единственный в Польше корреспондент «Репортеров без границ». Я заполнил анкету, ответив на вопросы, связанные со свободой СМИ. Не я присуждаю очки, на основе которых составляется рейтинг, — это делают во Франции. Мои главные возражения касались самоцензуры — например, изъятия из журнала «Сукцес» («Успех») страницы с критическим фельетоном о Лехе Качинском. Кроме того, польских журналистов продолжают преследовать в уголовном порядке. Это противоречит рекомендациям Евросоюза. В прошлом году мы были единственной страной ЕС, где журналист (Анджей Марек) сидел в тюрьме. У нас пытались также уголовно преследовать журналиста одной из немецких газет за сатирический фельетон о [нашем] президенте». («Дзенник», 25 окт.)

- Согласно опросу ЦИОМа, 78% поляков негативно оценивают работу Сейма. Сенат набрал 56% неудовлетворительных оценок. Президента Леха Качинского отрицательно оценивают 58% опрошенных, а положительно — 31. Полицию положительно оценивают 70% поляков, суды — 35, ПНБ — 53, Конституционный суд — 45%. («Газета wyborcza», 24 окт.)

- Согласно опросу института ГфК «Полония», ГП поддерживают 35% поляков, ПиС — 28%, «Самооборону» — 12, коалицию «Левые и демократы», а также аграрную партию ПСЛ — по 9, «Лигу польских семей» (ЛПС) — 5%. («Жечпосполита», 10-12 ноября)

- «Предприятие по уборке города призывает кандидатов в президенты (мэры) столицы не превращать Варшаву в помойку. Тем более что они не заплатили за уборку после прошлой кампании». («Дзенник», 20 окт.)

- «По итогам самых престижных и важных с политической точки зрения выборов в воеводские сеймики [законодательные собрания] ГП незначительно опередила ПиС — 27,18% против 25,08% (...) Третьей силой стали объединенные левые (14,25%)

(...) т.е. Союз демократических левых сил (СДЛС), «Польская социал-демократия» и Демократическая партия. Левым дышит в спину (...) ПСЛ (13,24%). И, наконец, проигравшие: «Самооборона» (5,64%) и ЛПС (4,74%) (...) Сеймики участвуют в разделе дотаций из ЕС. ПиС и его партнеры хотели завладеть ими при помощи измененного положения о выборах (...) Оппозиция протестовала, но в конечном итоге изменения в положении о выборах оказались на руку именно ей (...) Блок ПиС — «Самооборона» — ЛПС (35,46%) уступил блоку ГП — ПСЛ (40,42%)». В поветовых советах результаты выборов выглядят следующим образом: ПиС — 18,2%, ГП — 12,27, ПСЛ — 11,51, Левые и демократы — 8,87, «Самооборона» — 5,18, ЛПС — 2,22%. В советах гмин: ПиС — 16,18%, ГП — 13,89, «Левые и демократы» — 8,78, ПСЛ — 7,51, «Самооборона» — 3,59, ЛПС — 1,75%. Разумеется, это суммарные данные. В разных поветах и гминах процентные отношения складываются по-разному. Избирательный барьер составил 5%. На выборах президентов городов уже в первом туре победили действующие президенты (в подавляющем большинстве беспартийные) Вроцлава, Катовице, Гдыни и Жешува. После второго тура победу одержали также беспартийные президенты Кракова и Познани. В Варшаве кандидата ПиС, бывшего премьер-министра Казимежа Марцинкевича победила Ханна Гронкевич-Вальц из ГП. Явка на выборы составила 45,99% и была самой высокой со времен первых выборов в органы местного самоуправления в 1990 году. Во втором туре (там, где он прошел) явка составила 39,69%. («Газета wyborcza», 14 и 28 ноября)

• После длившейся почти полтора года модернизации варшавский приют для бездомных животных «На Палюху» стал гораздо более удобным. Исчез запах фекалий, благодаря звуконепроницаемым стенам лай сотен брошенных собак уже не слышен в вольерах для кошек. Современные вольеры, оборудованные полом с подогревом, и теплые помещения с вентиляцией способны принять 700 собак и 200 кошек. 17 корпусов размещены так, чтобы обеспечить как можно более продолжительную инсоляцию боксов. Собачье и кошачье несчастье уже не ужасает с порога. Чтобы добиться такого эффекта, Управление развития города потратило почти 14,5 млн. злотых. Кроме новых чистых корпусов построена также современная лечебница. Ежегодно в приют попадает около 6 тыс. брошенных и больных собак. В год город выделяет 4 млн. злотых на содержание приюта и 8 млн. — на борьбу с бездомностью животных и помощь им. («Газета wyborcza» и «Жечпосполита», 31 окт. — 1 ноября)

Витольд Гадамский

САМОПРОИЗВОЛЬНЫЙ РОСТ

По данным Главного статистического управления, в третьем квартале 2006 года рост ВВП составил 5,8%. Это самый высокий показатель с момента вступления Польши в ЕС в мае 2004 года. Быстрый экономический рост — результат нескольких усиливающих друг друга факторов.

Главный из них — вступление Польши в Евросоюз. Наши фирмы превосходно используют это преимущество. Объем экспорта растет в головокружительном темпе, двигая вперед всю экономику. Польские фирмы умеют конкурировать на трудных европейских рынках, так как в последние годы они провели сокращение штатов, модернизировались, повысили производительность труда и качество продукции, уменьшили расходы и уровень занятости. Без этой трудной терапии сегодняшний успех был бы невозможен.

Второй двигатель роста (помимо экспорта) — это потребление, поощряемое банковскими кредитами. Поляки берут кредиты на покупку домов, машин, бытовой техники, так как инфляция держится на низком уровне и, соответственно, учетные ставки тоже остаются низкими. Экономика стабильна, а наш оптимизм растет. Борьба с инфляцией дала хорошие результаты, заметные по кошелькам поляков.

Наконец-то начали расти и капиталовложения. Это свидетельствует о том, что рост сохранится еще долгое время. Однако это вовсе не значит, что он будет продолжаться вечно. Рыночная экономика развивается циклично, и после нескольких кварталов оживления неизбежно наступит замедление роста.

Главные опасности — это возможный в будущем году рост инфляции (который заставит Совет монетарной политики повысить учетные ставки), а также отсутствие реформ, торможение приватизации, высокие государственные расходы и налоги.

Пока что экономика развивается, несмотря на отсутствие реформ и вопреки государству, которое не хочет помогать росту.

ГЕДРОЙЦ В МУЗЕЕ ЛЕНИНА

То, что украинская конференция, посвященная Ежи Гедройцу, прошла в здании бывшего Музея Ленина — это не только ирония судьбы, это еще и историческая сатисфакция. Ленин сделал все, чтобы лишить Украину неожиданной независимости и вернуть в лоно империи. Но он же создал предпосылки для будущего отделения Украины от восстановленной империи и ее возвращения на политическую карту мира. Хотел ли этого Владимир Ильич? Что-то я сомневаюсь. Он был великолепным тактиком, неплохим стратегом, но никудышным провидцем — дар, который вообще не является важным для профессиональных революционеров. Гедройц профессиональным революционером не был. И тактиком вряд ли может считаться. И стратегом, наверное, не выглядит с утилитарной политической точки зрения. Зато он был провидцем. И великолепно понимал, что будущее — совсем за другой внешней политикой Польши. И что этой стране придется иметь дело не с империей на востоке, а с Россией, Украиной, Литвой, Белоруссией. И задумывался он о появлении Украины уже тогда, когда большая часть украинцев воспринимала государственность своей страны как дело несбыточное и ненужное, а большая часть поляков не представляла себе этой государственности, включавшей Львов и Станиславов. Так что говорить о Гедройце в Киеве — стоит.

Но говорили все же не совсем о Гедройце. И не совсем о «Культуре». Говорили скорее о тенденциях. Казалось бы, чего о Гедройце разговаривать? Он сказал, что Украина будет — и она появилась. А Польше нужно немного — всего лишь быть благожелательной к этой новой Украине, быть ее «адвокатом» в Европе и НАТО. Время, когда Гедройц и Меровский убеждал поляков быть благожелательнее к будущему государству на восточных границах Польши, миновало.

Но контраст с подходами Гедройца был — разительным. Гедройц размышлял прежде всего о будущем — с точки зрения национальных интересов Польши. Участники конференции говорили, скорее, о прошлом и настоящем. Кроме того, сам подбор участников дискуссии исключал серьезный разговор. Современная Украина — это конгломерат различных политических сил, регионов, вариантов развития, нередко — диаметрально противоположных. В бывшем Музее Ленина —

наверное, так и положено в такого рода зданиях — можно было увидеть приверженцев только одного политического спектра, к тому же не оказывающих никакого влияния на развитие самой этой тенденции. И это — еще одно отличие от Гедройца.

Гедройц сумел сделать свой журнал влиятельным в условиях, когда это издание не могло на это рассчитывать. Многие люди с украинской стороны — буду говорить о хозяевах, — собравшиеся на конференции, безусловно, пользуются большим, даже историческим авторитетом. Многих я искренне люблю. Но так уж случилось, что влиять на политические и общественные процессы в стране эти люди не могут: они либо фигуры из учебников истории, приглашаемые исключительно на торжественные церемонии, либо представители узкого круга, участники которого сами себя считают сливками нации, но в этом же кругу и скисают. Зато беседа с ними может убедить в том, что, поверив — вместо реальной Украины — в Украину лозунгов, Польша не проиграла.

А ведь на самом деле это не так. Можно сколь угодно долго рассказывать об успехе концепции Гедройца, но нельзя не признать, что на восточном направлении есть проблемы. Потому что никто в Польше в 2004 году не мог признать очевидного: если президентом страны станет Виктор Ющенко, то ее премьер-министром уже вскоре станет Виктор Янукович. Этого не должны были увидеть опьяненные Майданом и посулами его трибунов простые украинцы, но польским политикам и общественным деятелям, не раз наблюдавшим эффект маятника в собственной стране, не пристало быть столь недалекими. Большое соседнее государство, чья элита и общество складывают все соседские яйца в одну корзину, не желая серьезного диалога с политическими силами, представляющими половину электората, — это ли не объяснение того, что вскоре после путешествий президента Александра Квасневского на круглый стол и обратно Польшу возглавили братья Качинские? Но даже сейчас неясно, с какой Украиной хочет говорить Польша — той, которая ей нравится или той, которая есть на самом деле. А ведь Украина — для нас, по крайней мере, — она одна, от нее нельзя отломить кусок и с этим куском разговаривать, как это пытаются делать наши польские и российские друзья.

Действительно, после этого о Гедройце в польском украинском контексте можно говорить исключительно в академическом тоне. Потому что так легче — можно взять его с собой, в учебник истории, и объяснить, почему сам живешь в прошлом, почему запылелся и потерял нюх.

А ведь сам Гедройц до сих пор «живее» тех, кто о нем размышляет, — и не случайно на этой конференции седовласые ветераны «Культуры» оказались куда большими реалистами, чем многие «интеллектуальные знаменитости» средних лет. Потому что «Культура» была школой адекватности и реализма — школой, которую украинское общество пока что не окончило и о которой польское общество старается по возможности забыть.

БОЛЬШОЕ ДЕЛО В МАЛЫХ ТЕРЕМИСКАХ

Народные (или общедоступные) университеты существовали в Польше после войны, но их деятельность в значительной мере ограничивали и пытались их идеологизировать. Вскоре они прекратили свое существование. Но спустя годы эта идея возродилась. В 2001 г. по инициативе Яцека Куроня в Теремисках, на северо-востоке Польши, открылся Народный университет им. Яна Юзефа Липского.

Создатели его пишут о себе в Интернете:

Кто мы...

Университет мы создаем в поисках ответа на вопрос «как жить?». Этот вопрос особенно остро встает прежде всего перед теми из нас, кто живет в сельской местности, в селах, где раньше были госхозы, в малых городках и в микрорайонах больших городов. Это особенно болезненный вопрос для детей безработных, которые не могут рассчитывать на помощь родителей в оплате учебы. Другая группа людей, создающих Народный университет, — жители больших городов, которым посчастливилось родиться в семьях, где родители работают, поэтому они получили солидное образование, но не соглашались жить с сознанием того, что у других нет доступа к образованию и работе.

Скептики говорят нам: «Это не имеет смысла: вы работаете всего лишь с двумя десятками студентов в год, а сколько тысяч молодых людей остаются в деревнях и городках? Это ничего не изменит».

На это мы отвечаем:

Люди действуют в среде, поддающейся исчислению. Мир изменяют не какие-то неопределенные массы, а конкретные группы отдельных людей, работающие на местах. Первое сообщение Комитета защиты рабочих (КОР) в 1976 г. подписали 14 человек. И вряд ли можно сомневаться в том, что с нескольких сот человек, сотрудничавших с КОРОм, началось 10 — миллионное движение «Солидарности».

Мы хотим возродить этику общественников, присущую довоенной польской интеллигенции, и приглашаем включиться в эту работу наших студентов и всех сотрудников. Мы хотим сформировать среду людей активных, готовых взять на себя ответственность за мир, в котором они живут. Наш проект не ставит целью социальную помощь. Мы видим в наших выпускниках и в нас самих проводников перемен в общественной, культурной и экономической жизни тех местных общин, в которых мы живем.

Профессор Ежи Едлицкий, побывавший у нас в Теремисках, написал: «Стиль жизни интеллигенции, ее этика проникнуты убеждением, что полученное образование и культура обязывают служить народу и обществу». В этом смысле не социальное происхождение или формальный уровень образования определяют принадлежность к этой группе, но система провозглашаемых и проводимых в жизнь ценностей; способность наблюдать мир и замечать в нем те проблемы, которые следует решать вне зависимости от политической и экономической системы, финансовых ресурсов, от шансов на осуществление и невзирая на то, в какой стране мы живем — вассальной или свободной.

В прессе мы время от времени читаем некрологи интеллигенции как социальной группе, встречаем мнение, что она обанкротилась и лишь хранит верность проигранному делу. Однако посягательства на свободу, справедливость и человеческое достоинство происходят ежедневно во всем мире, и нами в нашей деятельности движет непримиримость к такому положению вещей, а не верность проигранному делу. Поэтому несмотря на утверждения о капитуляции мы стремимся возрождать и проводить в жизнь этику польской интеллигенции. И неслучайно наш университет назван именем Яна Юзефа Липского.

Педагогика Яцека Куроня

1. Мы формируем разнородный коллектив, где каждый способен оказаться в какой-то области самым лучшим.
2. Мы работаем с методом постановки задач, причем задачи слегка превышают предел наших возможностей.
3. Во взаимоотношениях мы руководствуемся «правом слабого».
4. От образования неотъемлемо формирование позиции, а воспитатель воспитывает всей своей личностью.

5. Мы учимся, для того чтобы преобразовывать мир — а не для того чтобы к нему приспособливаться.

Программа

Программные положения

1. Учиться на протяжении всей жизни

Цель школы — не накопление как можно большего объема знаний, чтоб его хватило на всю жизнь, а подготовка студентов к тому, чтобы они учились на протяжении всей жизни. Получить навыки самообразования значит научиться:

- планированию своего личного развития;
- методам и приемам получения знаний;
- мотивировкам ученья;
- самооценке.

2. Целостное образование

Цель школы — подготовка к жизни, то есть:

- образование многостороннее: развитие всей личности, то есть не только интеллекта, но и тела, чувств, воображения;
- знания, которые приобретают студенты, должны быть знаниями мобильными, то есть пригодными к многократному и разнородному применению в реальной жизни;
- важными становятся знания и умения общего характера (а не узкая специализация), позволяющие быть гибкими, не теряться в новых обстоятельствах и предпринимать разнообразные действия;
- важно не только овладевать практическими знаниями, но прежде всего формировать свое самосознание;
- необходимо участвовать в самых многообразных формах активной деятельности и познавать мир в его самых разных проявлениях.

3. Формирование высшего уровня познания

Сегодня важнее, чем запомнить большой объем знаний, становится умение динамично сочетать, модифицировать и

использовать самые разные идеи, то есть высший уровень познания:

- критическое мышление, основанное на логических и аналитических операциях, позволяет реагировать на реально существующую действительность, воспринимать ее и истолковывать;
- творческое мышление, основанное прежде всего на использовании воображения и умения обобщать, а также на создании нового, позволяет находить новые решения и творить будущее.

4. Приобщение к культуре

Приобщение к культуре — условие любой деятельности и основа жизни как профессиональной, так и общественной или семейной. Здесь можно выделить три параллельных уровня:

- человек вводится в мир исторического наследия культуры;
- он находит и принимает систему ценностей, дающих смысл его жизни, определяющих его призвание и одновременно создающих основы общности и общественного самосознания,
- вдохновляются и развиваются потребности человека в экспрессии и творчестве. Ибо речь идет не о том, чтобы моделировать личность молодого человека по образцам культуры прошлого, но чтобы дать ему возможность заниматься своей деятельностью, направленной на его собственный опыт, переживания и устремления, деятельностью, которая придает ему отваги и позволяет развивать творческие способности, таящиеся в каждом человеке.

5. Формирование творческой позиции

Если школа должна подготавливать к жизни, то неотъемлемым элементом учебы становится обучение творчеству.

Творчество понимается тут как комплекс навыков и умений по преобразованию идей, эмоций, энергии и вещей. В таком понимании творчество становится элементарным делом каждого человека, повседневным образом жизни. Это относится не к тому, что он производит, а к его позиции и поступкам во всех сферах человеческой жизни.

Роль школы — формировать у учащихся творческую позицию, т.е. умение постоянно определять свое отношение к вырастающим перед ними жизненным, познавательным проблемам, к проблемам по принятию решений.

6. Сотрудничество и взаимодействие

Мы живем во взаимозависимом мире, где сотрудничество и взаимопомощь становятся неотъемлемой частью и даже условием существования человека. Успех любого предприятия зависит не только от интеллекта отдельных личностей, принимающих в нем участие, но и от того, хорошо ли члены этой группы сотрудничают друг с другом.

А значит, школа, если она призвана готовить молодые поколения к жизни в будущем, должна опираться в своей деятельности на сотрудничество и взаимодействие, отвергая старую модель, основанную на соперничестве.

7. Учитель как вожатай

Чтобы осуществить вышеназванных постулаты обучения, необходимо изменить роль учителя, из человека, подающего знания, сделав тем, кто руководит процессом ученья. Учитель должен облегчать обучение, формируя соответствующую атмосферу воспитательного и учебного процесса. Сам он лишь один из источников знаний, лишь один из тех, кто оценивает, кто влияет на ход занятий. Учитель становится скорее диагностом, специалистом по учебным пособиям, консультантом, вдохновителем, вожатаем.

Программа в академическом аспекте

Фундаментальные дисциплины

Знания о прошлом

Великие исторические эпохи

История философии

История литературы

История общественной мысли и общественных движений

История Польши после II Мировой войны

Свидетели истории

Понимание современности

Знания о XXI веке

Наука о политике и демократии

Основы знаний об экономике

Информационное общество

Права человека и права Земли

Текущие события

Прикладные науки

Работа над собственным развитием и отношениями с другими людьми

Индивидуальный план развития

Советы по поведению внутри той или иной среды

Этика

Приобщение к культуре

Культура языка — практические занятия по работе с текстом

Просвещение в области культуры

Театральные мастер-классы

Знакомство с музыкой, совместное пение

Творчество с использованием мультимедийных средств

Современная литература

Кулинарная культура

Человек в мире природы

Просвещение в области охраны здоровья

Просвещение в области экологии

Практические занятия по природоведению

Социальная экономика

Организация общественной деятельности

Организация деятельности на местах

Практическая предприимчивость

Организация повседневной жизни

Юридическая подготовка

Педагогический курс «Учитель XXI века: учитель — проводник»

Иностранные языки

Программа как комплекс практических занятий

Практикум по повседневной жизни. Эти занятия стали возможны благодаря тому, что проект — стационарный и осуществляется в двух центрах: Теремисках и Варшаве. Дома, где живут студенты, выполняют также функцию «лабораторий практической предприимчивости», где создаются условия учебы, способствующие приобретению знаний и умений, а также хороших навыков, полезных с точки зрения здоровья и экологии. В повседневной деятельности студенты учатся управлять коллективом (организация труда, распределение ролей, деятельности и задач), распоряжаться финансами (планирование расходов, отчетность с использованием расчетных бланков), распоряжаться отходами (сортировка и отказ от покупки ненужной тары), управлять эксплуатационными расходами (расчет расходования воды, электроэнергии), а также обучаются здоровому стилю жизни (приготовление пищи, гигиена), заботе об эстетике интерьера, работе в саду, умению распоряжаться свободным временем — как личным, так и общим.

Совершенствование школьных знаний. Занятия с учетом потребностей и возможностей студентов, важнейшие из них — культура языка (работа с текстом, правильность устной и письменной речи), пробуждение потребности в чтении книг, знакомство с самыми главными аспектами культуры, цивилизации и традиций, интенсивное изучение английского языка, дополнительно — французского, а также изучение информатики и практические занятия по природоведению.

Работа над личным развитием. Составление индивидуальных планов развития, занятия по психологии и этике.

Приобщение к культуре. Занятия, знакомящие с культурным разнообразием мира — как его красоту, так и трудности, вытекающие из этого разнообразия (культуры и религии мира, культуры и религии или вероисповедания, сосуществующих в Подлесье), приобретение знаний и умений, необходимых для творческого и активного приобщения к культуре (творческие

мастерские, в то числе музыкальные и театральные, знакомство с культурным наследием), инициирование процесса формирования самосознания (кто я, кем хочу быть).

Формирование общественных позиций. Знания о демократии, перемены в современном мире, история общественной мысли и общественных движений, права человека, права Земли, общественная деятельность («гражданственность» как модель участия в общественной жизни).

Подготовка к выходу на рынок труда. Знания о рынке труда, социальная предприимчивость, юридическая подготовка, бухгалтерия, курс педагогики.

*

В сентябре 2006 г. в центре «Пограничье» в Сейнах проходил двухдневный семинар, в котором приняли участие люди, занимающиеся самой разной общественной деятельностью, но так или иначе ощущающие себя продолжателями дела Ежи Гедройца.

Кишиштоф Чижевский (директор центра «Пограничье»), обращаясь к Дануте Куронь:

— Как дела, Дануся, с вашими занятиями образованием, которые представляют собой одно из важных ответвлений, выросших из традиций парижской «Культуры»? Как вы видите свою работу в теперешней Польше, в которой мы живем сегодня, среди тех трудностей, с которыми мы сталкиваемся сегодня, как вы видите свое место, свой «ковчег» в маленьких Теремисках...

Данута Куронь:

— Думаю, здесь стоит сказать о некой преемственности поколений, ибо, разумеется, для нашего поколения личность Ежи Гедройца имеет ключевое значение, а для поколения наших детей — им это уже, видимо, передалось от нас. И это весьма оптимистично, ибо означает, что преемственность поколений существует, что связи не прерываются. Возможно, что это касается меньшего числа людей, чем нам бы хотелось, — но это существует! Я с искренним удовлетворением могу сказать вам — ибо не знаю, всем ли об этом известно — что в текущем году, 1 сентября, начал свою работу мультикультурный гуманитарный лицей, и так уж получилось, что он носит имя Яцека Куроня. Это общедоступный лицей. Я думаю, что Ежи Гедройц радуется, что такой лицей создан. Этот

лицей, его идею и программу, формируют выпускники «Беднарской», те самые, что преподают в Теремисках. Мы уверены, что они не только сумеют руководить школой, но и смогут выработать хорошую, свою программу и что из этого вырастет нечто большее.

Мы в Теремисках работаем по системе неформального обучения, а тамошний лицей — это школа общественная, но зарегистрированная министерством, так что это какой-то шанс для всех. Раз появилось такое учреждение — значит, возникнут и другие или уже возникают в других местах; да мы и знаем о множестве начинаний такого рода.

Я имела удовольствие и случай, удачный случай, познакомиться с Ежи Гедройцем, потому что в июне 1980-го — когда еще не было забастовок, но уже многое было разрешено и давали заграничные паспорта — я была в Париже, а поскольку я всегда ставлю себе какую-то задачу и всю жизнь что-то организую, то как раз в тот момент я занималась организацией независимой библиотеки в Люблине. Я попросила Ежи Гедройца принять меня в связи с этим вопросом, он меня принял — и это был очень радостный день в моей жизни, потому что... — все, кто там бывал, помнят эти полки с книгами, этот открывающийся перед вами огромный сезам, я только указывала, что еще, что еще, чего по три экземпляра, а пан редактор всё носил за мной эти книги, складывал в коробки, и число этих коробок все возрастало, а в конце я совершила промах, сказала: «Но здесь нет Новака-Езёранского, а это же сенсация года». Но книгу-то Новака-Езёранского «Курьер из Варшавы» издал не Гедройц. Я тут же сообразила, что сказала не то, но он отнюдь не обиделся, а просто принес мне три экземпляра книги. Все о нем говорили, что это величественный человек, а у меня было ощущение, что он удивительно милый человек, точно понимающий, что к чему, веселый, умеющий радоваться и смеяться. Так что была в моей жизни такая встреча — чем я и хвастаюсь тут перед вами, — это было большое счастье, что я могла с ним познакомиться. Потом уже помню, как Гедройц посылал Яцеку такие коротенькие инструкции (здесь, в этом зале, наверное есть люди, которые тоже получали такие коротенькие послания: прошу сделать то-то и то-то!). Часть этих писем касалась Белоруссии, Яцек, естественно, старался исполнить все его поручения.

Ежи Гедройц был государственнымником и учил нас ответственности за судьбу государства и тому, что если государство чего-то не делает — то это задача для нас. И еще

одно: ключевое слово для выполнения этих задач, для воплощения этих чаяний, этих представлений, этих идей — «культура», вот так просто. И теперь, когда мы организуем, создаем образование для молодежи, совершеннолетней молодежи — ибо Народный университет, как все другие народные университеты (вспомним традиции Игнация Соляжа), — это прежде всего университет для сельской совершеннолетней молодежи. Это задача, которую польское государство обязано выполнять, а значит, это и наша обязанность — дать образование самого высокого уровня, самое лучшее гуманитарное образование, не краткий курс чего-то там, а то «приданое», которое выносят, чтобы стать взрослым, самостоятельным, свободным человеком. Если где-то подобного нет — там его просто необходимо организовать. Мы занимаемся молодежью из тех сел, где когда-то были госхозы, так мы себе выбрали, отчасти — молодежью из социотерапевтических клубов, но прежде всего из сел, где были госхозы. Это неформальная школа, мне бы хотелось, чтобы Кася с Павлом рассказали о ней, о нашем университете, потому что они его создавали. Мы с Яцеком имели удовольствие в течение двух лет быть рядом с ними в их творческой работе, в формировании программы. Два года они ездили по Польше, сидели в библиотеках, читали книги, заходили в Интернет, встречались с людьми — это были чудесные годы в нашей с Яцеком жизни, ибо мы могли быть их собеседниками. Они нам рассказывали о своих планах, о том, как они себе это представляют, а мы слушали, и Яцек — в первую очередь он — делился с ними своим опытом. Он был счастлив, что эта тема вновь стала самой главной в доме: он же всю жизнь считал, что самая прекрасная и самая важная профессия — это профессия учителя. Он сам хотел быть учителем, но, к сожалению, по окончании университета работал учителем всего один год, потому что его выгнали из школы и потом он уже не мог работать; лишь после июня 1989-го он вернулся в школу и год или два работал учителем в I Общественном лицее на Беднарской. И вот в течение двух лет мы могли обсуждать идею неформального университета, который — используя все то хорошее, что было накоплено в прошлом, — мог войти в положение молодого человека XXI века, особенно того молодого человека, который живет там, где нет работы, где культура доступна в принципе только через телевидение, а природа зачастую уничтожена. Через два года их труды увенчались дипломной работой Каси, в которой она описала весь этот проект — ну и в настоящий момент мы начинаем уже пятый год его осуществления.

Павел Винярский:

— Разумеется, все было с точностью наоборот. Это были как раз для нас очень приятные годы, великая честь, великое счастье, что мы могли... потому что, конечно, и университет не был бы создан на таком концептуальном уровне, и тем более эта идея не была бы осуществлена — ибо все это требовало и постоянно требует огромных средств — без вдохновения Яцека, без его высокого авторитета, который по сей день помогает нам сохранять университет.

Отправляясь сюда, мы думали, как нам рассказывать о Теремисках... и вспомнилась такая мысль Яцека, из которой, собственно, вырос университет: культура в той степени, в какой она отвечает на вопрос «Как жить?», созидает жизнь, а в той, в какой не отвечает — ее дезинтегрирует. Современный мир и шесть лет тому назад, когда мы начинали думать об университете, и сегодня — это «мир между эпохами», в котором ясно проступает то пространство, в рамках которого либо культура неудовлетворительно отвечает на вопрос «как жить?», либо возникают новые вопросы, на которые надо найти новые ответы. Но, как говорил Яцек, начнем с того, что ближе всего, то есть с вопроса, как становиться взрослым. Этот вопрос мучительно встает не только там, где в Польше живет труднее всего. «Как жить?» — это и вопрос привилегированной молодежи. Его можно ставить по крайней мере в двух плоскостях: это вопрос о выборе системы ценностей и об этике. А второй вопрос — «на что жить?». Он куда более остро встает перед теми, кто живет, например, в бывших госхозовских селах, но нелегко он и для выпускников элитарных лицеев. Яцек нас всегда учил, как бунтовать осмысленно, как не соглашаться: он нам всегда говорил, что начинать надо с постановки целей. А их не определить произвольно. Если изменяем мир, то должны его менять в партнерских отношениях, в диалоге, на агоре... Университет — по существу только форма, которой мы придали определенный способ мышления об общественной деятельности, о том, что мир меняется в общественном движении, закрепляющем за каждым его место за «круглым столом». И одновременно Яцек говорил, что задача, которую ставишь, должна быть такой, чтобы каждый из участников мог ее выполнить. Теперь мы начинаем пятый год и размышляем над тем, какие у нас задачи.

Кроме того, что мы выработаем программу университета как образовательного учреждения, может быть нам суждено стать одним из тех мест в Польше, где зарождается новый замысел о том, как жить.

Вы здесь говорили об истории, поэтому я и выступил с этим «будущим», ибо пограничье между прошлым и будущим таково, как любое пограничье. Прежде всего не очень-то известно, где оно начинается, а где кончается.

Катажина Винярская:

— Несколько раз во время нашей встречи звучало опасение, что преемственность будет прервана, что молодежь отвергнет все, что было... Мы работаем со старшим юношеством, нашим студентам от 19 лет до 21 года. Но я заметила, что, когда начинаешь им доверять и даешь возможность создать что-нибудь самостоятельно, они ищут учителей. Сами тогда обращаются к традициям. Впрочем, это и мой опыт: мы были людьми созидающими. С одной стороны, я знаю, что без Яцека, без Дануси мы бы этого не сделали, но с другой — у меня такое ощущение, что я была человеком созидающим.

Здесь уже говорилось о том, что слово «терпимость» утратило свой смысл, как-то девальвировалось. Когда на первых встречах мы разговариваем с нашими студентами и спрашиваем, что им нужно, чтобы они чувствовали себя безопасно в Теремисках, — они говорят: терпимость. Терпимость, правда...

Данута Куронь:

Я помню ту первую встречу с Кшиштофом Чижевским в Теремисках — это был первый год существования нашего университета, мы размышляли над вопросом формирования самосознания. И Кшиштоф рассказал нашим студентам, что тоже когда-то пытался себе ответить на вопрос насчет себя самого: кто вы, господин Чижевский? И эта встреча была очень важной для тех двадцати, которые тебя тогда слушали. Уже после твоего отъезда Эмилия с Сабиной вспомнили, что они кашубки, а Анна впервые сказала, что ее отец — украинец. И что-то стало происходить, подействовала какая-то магия. И теперь мы как учителя должны справиться с такой задачей: молодежь у нас совершеннолетняя, но в ходе занятий оказалось, что имена Пилсудского и Дмовского им совершенно неизвестны. Вот такая ситуация, когда мы не можем за короткое время пройти курс 11-летней школы, приходится начинать с исходной точки, то есть обучать группу взрослых, совершеннолетних людей. И то, что можно им показать историю Польши, в виде например, их поездки на велосипедах из Теремисок в Сейны, на занятия в центре «Пограничье». Вы тут занимаетесь историей этого уголка земли, но это и есть фрагмент истории Польши, и это нас объединяет. Когда-

нибудь историографы опишут эти школы, которые сейчас создаются, одни — более известны, другие — менее. Во всяком случае, мы сейчас создаем некую историческую школу. Одни — как сотрудники серьезных, научно-исследовательских учреждений, таких, как центр «Карта», другие — своим инструментарием, а мы — в своих школах, вместе с нашими учениками, которые открывают ближайшую историю в отдельных фрагментах. Здесь у нас есть нечто общее, очень важное. Мы хотим показывать нашим ученикам историю Польши в таких местах, где она имеет ценность, имеет свою силу, которая сможет оказывать воздействие, — например в Люблине или тут, в Сейнах. Кроме того, можно обращаться и к собственной памяти и к документальным источникам, например в архиве центра «Карта». Тот факт, что существуют такие места, как «Карта», как [театральный центр] «Городские ворота» в Люблине, как Сейны, придает нам уверенность. Мы начинаем работу со студентами с самого элементарного уровня и должны как-то увлечь эту молодежь миром прошлого, который вы документируете и показываете в своей ежедневной работе.

Собрали и подготовили к печати Беата Навроцкая и Петр Мицнер

ЧЕЛОВЕК И ТЕНЬ

С этим писателем я познакомился далеко от Польши и далеко от Ленинграда, где он постоянно жил. Шел то ли сорок второй, то ли сорок третий год, самые черные дни военного времени. Мы встретились в одноэтажном азиатском городе. Девять месяцев в году над городом светило безжалостное солнце, а в остальные три — лил дождь. Вдоль улиц текли арыки, полные густой воды. Над ними росли высокие деревья — шелковицы, чинары и платаны. За каждой крышей возвышались горы. С востока — Памир, с юга — Гималаи, их внешняя гряда. Когда опускались сумерки, быстрые, внезапно сгущавшиеся, глушившие не только слух, но и зрение, то весь мир в конце концов сводился к скрежету саранчи в саду за новым, высоким зданием университета, где тогда было летное училище. Иногда доносился еще из-за последней мазанки предместья, с хлопковых полей, какой-то визгливый лай — говорили, шакалий. Но обычно уже ранним вечером слышна была лишь гулкая азиатская тишина. То не была ночь из «Тысячи и одной ночи». Далеко на западе остался пестрый гомон Багдада. А здесь была истинная Азия. Казалось, стоит только напрячь зрение или влезть на самую высокую чинару, и увидишь северное сияние, а с другой стороны — фосфоресцирующий блеск Индийского океана. И шла война. Нам не хватало хлеба, но его не хватало одинаково всем — таджикам, русским и полякам, которые нашли тут убежище и отдаленную надежду.

В один из таких вечеров, в душной барачной каморке, куда приходили литераторы за продовольственными карточками, кто-то громко сказал, что в пригороде живут польские сироты: их привезли с севера и только что открыли детский дом. Никто не строил планов, но сразу стало ясно, что надо как можно скорее, может быть прямо завтра, побывать там. Была пора дождей: машина кинопередвижки не доберется. Книги — это мало. Впрочем — дело и так пойдет. На следующий день мы отправились. Вел нас Мирсаид Миршакар, таджикский поэт, огромный мужик, грузный, рябой. Горцы всего мира словно принадлежат к одному племени, но этот совершенно был похож на крестьянского сына из-под Закопане, только в тубетейке. Он был с Памира, из окрестностей Рушана, где у женщин рыжие волосы, потому что там когда-то стояли гарнизоны Александра Македонского, оставленные во время похода на Индию и так никогда не отозванные. И вот мы по

размытой дождем дороге тянулись за Мирсаидом. По вязкой грязи шла ленинградская поэтесса, хрупкая и тихая Татьяна Казмичева, брел ее бледный брат Михаил Матвеевич, изумительный переводчик поэтов французского Возрождения, рядом резво шагал старый и знаменитый московский поэт Сергей Городецкий, друг Блока и Северянина. И был еще некто, появившийся совсем недавно, и пока что я знал о нем лишь то, что зовут его Евгений Шварц. Он почти не разговаривал, улыбался той быстрой, трогательной улыбкой, которую запоминаешь лучше, чем черты лица. На каком-то километре пути я уговорил всю компанию пойти напрямик, так как детского дома все было не видать. Мы сразу забрались на рисовое поле, вязкое даже летом, тем более в пору дождей. Шварц сказал про меня: «Все ясно: он нам мстит за Ивана Сусанина!» Все рассмеялись, и не успели мы оглянуться, как были у цели.

Дети уже давно нас ждали, притихшие от напряжения. Их было много, но все были маленькие. Да, в основном малыши, только не такие беззаботные, как дети, растущие у себя дома и у себя в стране. Поэтому Городецкий — а он должен был выступать первым — несколько смутился, но в конце концов откашлялся и с замечательным воодушевлением прочел свое стихотворение о Польше, давно уже написанное и чрезвычайно звучное. Ему громко аплодировали; хлопали прежде всего учителя и воспитатели из Союза польских патриотов. Детей слишком потрясала новизна происходящего, чтоб они обращали внимание на подробности. Но стихотворения французских поэтов Плеяды, которые они слышали затем, привели их уже не в такой восторг. Потом пошли стихи Тувима для детей; я читал их по тетрадке, в которую записывал во время ночных дежурств в больнице все польские стихотворения и все отрывки из польской прозы, какие мне удалось припомнить. Польских книг почти ни у кого не было. Таких тетрадок у меня было уже семь. Миршакар продекламировал, а вернее пропел главу из своей поэмы «Золотой кишлак». Дети были очарованы напевной декламацией, но подозреваю, что до конца все понял только один из них: маленький таджичонок с шевелюрой как мышьяная шкурка; его отец погиб на фронте, и его растили с польскими детьми. В общем, литературный вечер развивался по плану, и все было бы хорошо, если бы не какая-то неясная тревога, терзавшая всех нас: это же были малыши. И еще: не за тем же мы брели по этой грязище, чтобы отработать обычный литературный вечер. Думаю, и некоторые дети были того же мнения. Но вот после очередной порции аплодисментов встал с улыбкой Евгений Шварц и, убедившись, что все дети понимают

по-русски, вышел из-за торжественного стола президиума, попросту уселся среди маленьких слушателей и принялся рассказывать им сказку. Это была ставшая впоследствии знаменитой «Сказка о потерянном времени». И целых четыре часа мы слушали его сказки. Все — воспитатели и малыши, поляки и русские.

Мы были заморожены и зачарованы мудростью и веселостью этого человека. Все мы ощущали, как с каждым словом все сильней обожали его сидящие на полу дети, и заведомо разделяли их чувства. Перед нами был ум простой и замечательный, человек, полный таланта и очарования.

Окончательно убедило меня в этом знакомство с его книгами и пьесами, которые я постарался немедленно прочесть. Шварц писал пьесы с 1928 года. В Среднюю Азию он приехал тогда из осажденного, голодающего Ленинграда, эвакуированный на военном самолете, как и другие деятели культуры этого необыкновенного города, как Анна Ахматова, как Шостакович, как Николай Акимов, беспокойный дух, художник, режиссер и новатор театра. Шварц как раз был его ближайшим сотрудником и заведовал литературной частью Ленинградского театра комедии.

У того, кто знакомится с творчеством Шварца, возникает впечатление какого-то важного и радостного открытия. Это драматург отличный и для всех, писатель для людей совершенно взрослых и зрелых, так что даже странно, что так мало о нем известно. Правда, и у нас Шварц известен прежде всего как автор произведений для детей. Напомню о повести и снятом по ней кинофильму «Первоклассница», о сценарии кинофильма «Золушка» или о пьесе «Снежная королева», которую ставят всюду; оба последних произведения — современные, творческие переработки сказок Перро и Андерсена, а Андерсена Шварц особенно ценил. У детей, особенно у советских детей, Шварц уже занял свое место и, пожалуй, вне конкуренции. Шварц несомненно принадлежит к семье выдающихся писателей — таких, как Милн и Коллоди, Тувим и Маршак, Бианки и Родари, Чуковский и Кестнер, Житков и Бжехва, — которые выбрали творчество для детей вовсе не потому, что для детей якобы легче писать и реже контролируется критикой. Как и все вышеназванные, он дает маленьким людям ровно то, что потом оказывается самым нужным людям вообще.

В предисловии к русскому изданию пьесы Шварца «Тень» мы читаем:

«...но Шварц действительно шел к поэзии и нашел ее в искусстве театра. Это счастливая судьба немногих странников, рассчитывающих на долгий путь и неожиданно оказывающихся у цели. Шварц был актером, журналистом, писал для детей, и все было для него дорогой долгой, изнурительной и не очень благодарной. В одно прекрасное утро он проснулся драматургом и вдруг почувствовал, что ему уже есть ради чего работать над словом, фантазировать, есть к чему применить свой дар живой человеческой интонации, свою способность видеть в людях все их различия и особенности, что все это не пропадет зря и останется жить в его трудах и замыслах...».

Но тут речь не о пьесах Шварца для детей, хотя их было много и хотя среди них были попытки создать современную сказку, целиком основанную на мотивах повседневности («Ундервуд», «Клад»). Эта работа стала для Шварца превосходной подготовкой к сочинению пьес для взрослых. Принцип метафоры с дальним прицелом, замечательно емкая форма притчи придали легкость таким его комедиям, как «Телефонная книжка», «Приключения Гогенштауфена», неизданный «Дракон» и прежде всего «Тень». По-польски «Тень» напечатана несколько лет тому назад в переводе автора этих строк. В 1947 г. эта пьеса покорила Берлин, в 1952-м швейцарец Линдтберг поставил ее в знаменитом Камерном театре в Тель-Авиве. Поставленная перед самой войной в театре Акимова, она стала незаурядным и значительным театральным событием. Да только ли театральным? Здесь необходимо отметить, что эта сказка для взрослых — событие прежде всего нравственного и политического порядка. Она свидетельствует, что даже в трудные годы в Советском Союзе раз за разом возникали нешаблонные произведения, выдающиеся, безупречные, вступавшие в борьбу за господство народа и разума. Не все его сказки завоевали популярность, но и самым яростным догматикам доводилось капитулировать перед такими произведениями. Таково и искусство Шварца — поэтическое обоснование благородства, разума, верности делу, дружбы, непреклонности перед всяческой подлостью. Кто посмеет утверждать, что социалистическая нравственность не должна опираться именно на такие достоинства? Кто не видит, что они столь же необходимы для построения лучшего мира, как и принципы классовой борьбы? В свое время театру «Сирена» не дали поставить эту пьесу, утверждая, что действие ее происходит в сказочной стране, поэтому неизвестно, какие социальные силы она защищает и к каким классам принадлежат ее герои. С таким же успехом можно требовать выяснения классовой принадлежности гномов и социального

происхождения Бабы Яги. Впрочем, происхождение сказочных персонажей установлено раз и навсегда: оно просторечное, простонародное. В народных сказках унижаемая справедливость в конце концов побеждает, простак оказывается умником, а злой король оказывается голым и должен быть наказан. Шварц — современный писатель, но в самом важном, философском аспекте своей пьесы он непоколебимо верен народной традиции.

Акимов пишет:

«...по-сказочному обобщая основные процессы, происходящие во взаимоотношениях человеческого населения нашей планеты, можно сказать, что современная эпоха идет под знаком борьбы творческого начала с паразитическим, созидającego с гниющим, живого с мертвым, или, как говорит на своем языке Шварц, человека с тенью».

Пьеса Шварца — это не подражание, а полемика с грустной сказкой великого Андерсена о тени, которая предала человека и захотела стать его господином. Больше чем господином — властелином, диктатором, которому не хватает для счастья только одного: чтобы живой человек стал теперь ее тенью. Этот живой человек — ученый, он приехал в сказочную страну для того, чтобы поскорее достичь своей собственной цели: он хочет осчастливить как можно больше людей.

Фриц Эрпенбек, выдающийся немецкий критик, так писал после успеха этой пьесы в Восточном Берлине в 1947 году:

«Эту пьесу меньше всего хочется назвать «пьесой» — она поэтическое создание, полное лирики, юмора и ума. Пример комедии Евгения Шварца свидетельствует в пользу того, о чем мы неоднократно писали, не имея возможности подкрепить это практически: реализм — это вовсе не стиль, это критерий художественной правды, и романтическая сказка может иметь общественный смысл, может быть реалистической. Так обстоит дело и здесь... Гениально утонченный, гуманистический смысл этой пьесы таков: жизнь потому и побеждает зло, что зло — это лишь тень жизни, враждебная, но в конечном счете зависимая от всего глубоко человеческого».

В пьесе Шварца ученый не соглашается стать тенью своей тени, не соглашается «разумно ограничить» число людей, предназначенных быть осчастливленными, не хочет отречься от своей любви и от друзей; как все энтузиасты во все времена, он утверждает что «для того, чтобы победить, надо быть готовым даже пойти на смерть». И что же? — и действительно

идет на смерть. Ему рубят голову. Но тут не что иное как рационалистическая фантастика Шварца ведет к крутому повороту, столь же логическому, сколь этически верному: в момент смерти ученого теряет голову и его тень, и приходится срочно применять спрятанную от народа живую воду, чтобы оживить ученого: без этого не воскреснет и сам властелин. Он же в конце концов только тень. Советский писатель считает, что тень держится у власти так долго, как долго может опираться на живых людей, честных и благородных. Насилие над ними оборачивается против насильника. Эта мораль обладает чертами широкого и стойкого обобщения, нет смысла искать в ней сиюминутную полуправду. Но она была бы ни к чему, если бы не точность, остроумие и прелесть художественной материи этой пьесы. Психологический аспект этого произведения возникает из превосходных, правдивых наблюдений, а несчастный Доктор — быть может, лучший тип оппортуниста во всей современной комедии. Роль Юлии Джули написана с резкостью карикатуры и шармом эпиграммы. А сам ученый! А наконец, Аннунциата! Если воспользоваться архаизмом, то это стопроцентно положительные герои, каких днем с огнем не сыщешь в современной драматургии и театре.

Впрочем, я думаю, что взрослым нет нужды разъяснять эту притчу, столь же умную, сколь и понятную. Внимательному зрителю представляется случай пережить редкостное приключение: он может открыть совершенно неизвестного ему до сих пор писателя из разряда тех, кого хотелось бы иметь в числе своих друзей.

«Новая Культура» 1956, № 27.

PS. К сожалению, поздней осенью 1957 года до Польши дошло известие о смерти Евгения Шварца. Он был одним из немногих литературных диссидентов, кто в СССР умерли в своей постели. Русская драматургия потеряла писателя, чье значение в будущем наверняка превзойдет шумный успех сегодняшних однодневных официальных знаменитостей; может быть, пьесы Шварца будут признаны своеобразным алиби для драматургии определенного периода.

Что же касается нас, то мы потеряли умного, веселого и отважного друга. Уверен, что так подумают не только его слушатели из азиатского детдома.

Ежи Либерт

СТИХИ

Загадка

Сад пахнет, в сердце нежность, а на губах печать.
Зачем так, я не знаю, но мы должны молчать.
Крылом касаюсь неба, тянусь к тебе рукой,
Но знаю: ты не в небе, — и нет судьбы другой.
И взглядом не согреешь, и губы холодны.
Все струны мы стубили, кроме одной струны.
Струишься, ледяная, по сердцу моему,
А сердце пламенеет и пышет, почему?

1922

Добрый вечер

Тянет сеном, веет сырью лозняка.
Пронеслись и улеглись ветра.
Серебрится под березами река,
И темно в глазах от серебра.
Трель кузнечика подтягивает луг.
Пахнут клумбы, с яблонь каплет мед.
Вечер теплый, как объятье твоих рук,
Горечь с сердца, тень со лба сотрет.

Июль 1923

Слободские сады

Вдалеке от проспектов, жары и гуденья
Задремали в плетнях, полускрадены тенью,

Слободские сады за Варшавой.

Реет пыльное марево над мостовою,

А в саду холодок, и под свежей листвою —

Ровный свет и душистые травы.

В час, когда от усталости лень шевелиться

И примятым цветком зной лежит над столицей,

Над сумятицей и толкотнею, —

Здесь, где небо и ветки прядут покрывало,

Осознав, что безумье любви миновало,

Засыпаю в полуденном зное.

1923

Голуби в костеле Святого Александра

Когда солнце, как белка, взбегаёт по шпилью,

Золотящийся хвост распушив от испуга,

На карниз опускается голубь с подругой,

Укрываясь от летнего зноя и пыли.

И, беспечно гуля, над столицей белеют.

Под стопой серафима — ни гвалта, ни жара.

А прорежется солнце, вокруг просветлеет —

И втекают в костел нареченною парой.

Апрель 1924

Земля и небо

Чуть колышась, плывут облака в поднебесье

Многоликим и благоухающим цветом,

И земля утопает в сияющей бездне,

В синих зорях весною и розовых — летом.

Знаю, Бог этот сад распростер надо мною,
Тронул высь, точно колокол многоголосый,
А ты садом проходишь и эхо ночное
Называешь дыханьем земли или розы.
Видишь, слово преградою нам ежечасно:
Мы по-разному судим о сути единой, —
На земле я ищу в тебе небо напрасно,
А на небе — ту землю, где край твой родимый.

1924

Муза

Где безмолвно таится слово,
Появляясь при первом зове?
Чей огонь над землею светит,
Что так ясно в душе и слове?

1926

Поэту

Кто мы все перед безднами и небесами
С нашим будничным адом, где грустно и немо
Звуком лютни возводим мишурное небо,
Чтоб в тоске по земле обливаться слезами?
Кто мы с нашей любовью и мудростью мнимой,
С колебаньем и пылом, грозой и бедою
Перед яростью бури, что мчит высотой,
Чтобы кротко затихнуть у стоп серафима?
В чаше слова достав из творила земного
Это знание, что поит гордыней и скорбью, —

Если значим лишь тут с нашей речью мирскою,
А для неба храним неизвестное слово?
О поэт, что на струны упал в исступленье
И застыл у мерцающего пьедестала, —
Отложи свою лютню рукой усталой
И с горячей мольбой опустись на колени.

1926

Словацкий

Рано ли, поздно — в вешнем потоке
Ты возвратишься в край свой далекий,
Ближих приветить, став на пороге,
И первым долгом спросишь в тревоге:
Как вы тут жили? Как было дело,
Когда над домом буря свистела?
Страх меня мучил, сердце болело:
Это на месте? То уцелело?
С вами оставив все дорогое,
Меря чужбину шагом изгоя,
Не находил я сна и покоя
И об одном лишь думал с тоскою.
Видел, как тучи с градом и громом
Тяжкой грядою встали над кровом,
Сумраком черно-километровым...
Как мне хотелось грянуть в них словом!
Как мне хотелось быть с вами в горе!
Издали мчал я дому в подспорье,

С тучей и вихрем в противоборье,
Стяг защищая, с молнией споря.
Ждал, что однажды кто-то знакомый
Стоны услышит, выйдет из дому,
Словом поможет горлу немому,
С век моих сгонит черную дрему.
Брызнет целебной влагой криницы,
Чтобы мне от этих чар исцелиться,
Чтоб из закланной, чуждой столицы
Выйти на тропку по медунице.
Грудью прижмусь я к зелени милой,
Чтоб отпустило все, что щемило...
Попусту ждал я... Темная сила
В круг меня ввергла, сном подкосила.
Снилось, что стихли буря и пламя
И что моими вышли следами
И отыскали — снова я с вами,
Не затерявшись между словами.
И в мою вечность, в морок глубокий
Висла пробилась плеском в осоке,
И отразился в ясном потоке
Облачным гребнем труд мой высокий.

1926

Всадник

Я бежал от тебя в испуге,
Думал скрыться тропой кружною,

Но с зарею на небе снова
Проступали следы за мною.
Ты нагнал меня, горный всадник,
Сокрушил, подмял под копыта,
И, как дым с налетевшим вихрем,
Рухнул я, милосердьем сбитый.
Нету слов, чтобы вновь подняться,
Речь моя все трудней и глуше.
Или нужно утратить слово,
Чтоб его обрести, как душу?
Или нужно себя превысить
Верой в слово твое живое?
Если нужно, бей не жалея, —
Я всего лишь твой верный воин.
И над сердцем, одно постигшим,
Остальное уже не властно:
Тот, кто сделал навеки выбор,
Перед выбором ежечасно.

1926

Осень на весенних могилах^[1]

От глинозема слиплись ресницы.
Рты нам и уши комья забили.
Но и по смерти, даже в могиле
Слышится гомон милой столицы.
Как заглушить нам отзвуки трудно!
Эхо вздувает жилы напором,

Кладбище полнит, взмыв над простором
Сбором парадным, рокотом трубным.
Топот тяжелый гулом надгробным
Слышен поныне нам, бездыханным.
Мерят нас, мерят шагом чеканным,
В марше проходят тысячестопном.
Листья и мусор кружатся с ветром.
Дождь пронесется, шаркнет венками,
Брызнет на серый нищенский камень...
Серо ноябрьским днем беспросветным.
В марше над нами шаг неустанный
Такт выбивает, в гроб ударяя.
Крест покривленный, лента сырая
И — как в тумане — шелест каштана.
Конники — в пестром, в сером — пехота,
Тонут в ненастье контуры шествий...
Больно лежать нам, тяжело от гнета —
Мокрого шелка, залитой жести!
Ветер тревоги по-над Варшавой.
Вспугнутой стайкой ласточки взмыли.
Только гнилое, черное былье
Мглою сочится, будто отравой.
И проплывают в марше победном
Веточки в дулах, всадники в розах...
Мати-могила! Трутся под ветром
Голые прутья ликторских розог!

Ноябрь 1926, ноябрь 1929

Стихотворение посвящено жертвам майского государственного переворота 1926 года, приведшего Пилсудского к власти, а страну — к санационному режиму; оно было начато осенью того же года, в дни празднования восьмилетия Независимой Польши.

Юрговская корчма

Поверни, растай, окаменей!

Жги тебя мороз и путай вьюга, —

У корчмы не осаживай коней

И не пей, не пей, подруга.

Там скакнет из рюмки бес голубой,

Нежный тенор с выраженьем умиленным,

Тук в стекло — шкалик слез перед тобой,

А он плачет, набирая тон за тоном.

Тукнет вновь, выжмет верхнее ля,

Остановит время, круг замыкая,

И заплачется из вечности, моля:

Выпей, выпей, дорогая.

Звяк стекла... Поглядишь — он исчез,

Только эхо разливается так сладко,

А из шкалика — другой, рыжий бес:

Тупо смотрит, и на лбу чернеет складка.

Вперит глаз — и пронзит как игла,

Затоскуешь, от догадки холодея.

Тукнет вновь — я гляжу из-за стекла.

Ах, не пей, не давайся чародею!

— Ты, родной? — Снова звякнет стекло,

Треснут стены, лопнет крыша над корчмою.

Под ногами зачернеет жерло,
И беспамятство нахлынет и смоем.
Только вальсик тот бесовский запоем,
Зарыдает, милый, незабвенный...
Раз-два-три, раз-два-три, поворот —
И пушинкой поплывешь сквозь стены...

Март 1928

Горестные стружки

Лажу строчки, доски гроба,
Стружками слова снимаю,
А зачем, не понимаю, —
Экий плотник туполобый!
Столько натесал по мерке,
Сколотил гробов без счета,
А всё медленней работа:
Возраст юн — глаза померкли.
С человека мерки эти,
И от мерок этих самых
В сердце яд, а руки в шрамах, —
Нет лекарств от них на свете...
Что ж, и дальше гнуться будем,
Крест готовя, гроб стругая.
И за что судьба такая? —
Я хотел быть нужен людям,
Детям ладить колыбели,
Чтоб из них не выпадали,

Крепкими бы выростали,
А те зыбки сами пели.
Потружусь-ка над такою,
Сяду рядом, поколышу...
Жуткое скрипенье слышу —
Гроб, как прежде, под рукою...
Может, плотник я никчемный?
Может, то войны великой
Память, наподобье тика,
И рассудок помраченный?
Или не напрасно дело?
Может, вера в нем маячит,
А не только, как судачат,
Нрав чудной да ум незрелый?
Или проще: может, эта
Неразумная тревога —
Мне в отчаянье подмога,
А святого в ней и нету?
Я строгаю, не гадаю.
Стружки высятся горою.
Скоро и меня накроют,
Чуть не к небу вырастая.
И тогда, на смертном ложе,
Просветлею, мукой сытый:
От наветов мне защитой
Горестные стружки Божьи.

Лисы

Не поможет, не поможет бром.

Снова здесь они — да вот — неподалеку,

Снова прядают, крадутся, льнут к порогу,

Снова подбираются под дом.

Вскинь тулуп и выйди в пихты за сугроб!

Бром впустую — не забудешься в дремоте.

Ниже гнись, ищи получше и в замёте

Лисий след увидишь, лисий троп.

Так по тропу, пустосвят, и брось тужить!

Поспевай за лисом верткими шажками,

И учись, учись — горами да лугами, —

Как ступать и путать след, и жить.

Слышишь? Брешет он, уставясь в небосвод,

Лис голодный, видишь, вот он — лунной ковки!

Он покажет тебе все свои уловки,

Лисий ум и толк в тебя вдохнет.

Так учись же, пустосвят, овладевай

Ночью, ветром, всей премудростью лесною!

Лезь бочком, крадись по-лисьи стороною,

Да хитрей кружи, с пути сбивай!

Лисьим тропом лисьей ходкою спеши,

Пустосвят, перенимай его повадки!

Он секрет тебе откроет, страшный, сладкий:

Вся земля — твоя, и вдоль, и вширь!

Ну, не мешкай, бром не действует, пойдём!

Лисья ночь в окне, и нет ее свободней...
Не откладывай — за мной! — еще сегодня
Подкрадемся под соседский дом...
Уж тогда-то... бельма кровью налились...
Живо... живо... то горами... то лугами...
Прыгай... цапай... бей когтями... рви клыками...

.....

Нишкни, нишкни! Я — голодный лис!

Ноябрь-декабрь 1930

* * *

Тебе, человек, обучаюсь.
Нескорая это наука.
И трудные годы ученья
Для сердца и радость, и мука.
С зарей ты надеждой разбужен,
Но разочарован под вечер.
Неверье и вера смешались
В уделе твоём человеческом.
Учусь тебе снова и снова
И, все еще не разумея,
Живу твоим утренним счастьем,
Вечерней тоскою твоею.

1931

ЖИЗНЬ МОЖЕТ СТАТЬ КОШМАРОМ

Лауреатом премии Костельских, присуждаемой писателям в возрасте до 40 лет, стала в этом году поэтесса и прозаик Иоланта Стефко. Несомненно, перед нами писательница, обладающая своей узнаваемой, оригинальной интонацией, причем более сильная в лирическом повествовании, чем в эпическом, считает Лешек Шаруга. В том же номере – подборка ее стихотворений.

Лауреатом премии Костельских, присуждаемой писателям в возрасте до 40 лет, стала в этом году поэтесса и прозаик Иоланта Стефко. Она дебютировала в 1998 г. книгой с красноречивым названием «Ни на чьей стороне». Следующий сборник — «Никого не люблю кроме себя» (2001) — состоит из произведений, говорящих о жизни, которая может стать кошмаром. Мы оказываемся на грани сна и яви, в зеркальных отражениях речи, как в стихотворении «Фрагменты»:

Приходит из глубины яви

Улыбается, что-то говорит

Пришелец (она? он?) «всё / Знает всё понимает / (Ничего не знает, ничего / Ничего не понимает Ничего)». Уже здесь видно, с какой концентрацией языковой записи мы имеем дело. Эти тексты обладают драматическим внутренним напряжением, их динамика усиливается еще и тем, что нередко отказ от полноты предложения, используются назывные конструкции, недосказанность, паузы. Это почти разрозненные лирические заметки, вспышки, побуждающие к медитативному раздумью:

Место. Где поздно

Ночью можно смотреть на

Светящиеся звёзды, слушать

Тишину, касаться смерти, стоя в самом сердце

Пустого, ужасного, чёрного мира:

Записывать алфавит одиночества (...).

Свет — своего рода «первоматерия» этих стихов, общая для сна и яви, жизни и смерти: во всём «называние мира», состояние сосредоточенности — это постепенное исчезновение, как передержанное фото:

И то, что я больше всего люблю

Делать: вглядываться в

Сказочные формы облаков

Постепенно исчезать, исчезать.

Возникают «Отчетливые формы / Бездны». Эти стихи парадоксально свидетельствуют об интенсивности переживания («пусть меня никогда не будет»), являя собой тонкую нарративную конструкцию, соединяющую бытие с небытием. В ее центре — как в заглавном стихотворении книги — раскрывается пространство диалога: «Теперь ты говори».

Недавно вышел новый сборник стихов Стефко «Хорошо, что ты есть» (2006), еще более открытый к диалогу, контакту с другим, приятию бытия, преодолевающего одиночество. Быть может, это следствие того, что автор перешел к эпическому творчеству. Первая книга прозы Стефко — «Возможные сны» (2003) — вписывается в традицию романа развития. Более сложен недавно вышедший роман «Дьявляк» (2006). В схематичном с виду повествовании о любви студентки к преподавателю, который гораздо старше ее, гротескно трансформирован фаустовский мотив: дабы покорить возлюбленного, героиня заключает договор с дьяволом, благодаря чему становится... старше: только так она может к нему приблизиться. Выворачивание мифа типично для феминистской литературы — впрочем, прочтение романа в таком контексте, пожалуй, было бы натяжкой.

Несомненно, перед нами писательница, обладающая своей узнаваемой, оригинальной интонацией, причем более сильная в лирическом повествовании, чем в эпическом.

Иоланта Стефко

СТИХОТВОРЕНИЯ

Сказочное путешествие

Белые клубы света, открыта первая страница
Сказки, за семью горами, за семью
Морями, за семью реками, очистительная
Стена огня, живая вода, густой
Тёмный бор, встречи с животными, умеющими
говорить —
И прежде чем прозвучит «а потом жили долго и
Счастливо» — зло, которое можно победить
Зло, которое нужно победить:
Стоглавый дракон, завистливый колдун
Человек с каменным сердцем —
Путешествие за грань дальнего горизонта
В город белых домов и высоких башен, окружённый
Стеною света
Там, в вечнозелёных рощах поют янтарные
Соловьи, над серебряным озером спит единорог —
Давным-давно, давно и
Далеко, перепутанные планы, мечты, заклатья,
Покой и беззаботность, дикая радость без причины,
Белые ряды букв, и вот уже прочитана
Последняя страница сказки —
Распад

Пожелтевшие страницы дочитанной книги
Некоторые слова совсем выцвели
Трудно угадать: первая буква «с»,
В слове четыре, пять, или шесть букв — «смех»?
«снег»? «смесь»? «смерть»? скорее всего
Смех — хоть это не соответствует контексту
И явно подрывает серьёзность и ужас
Существования,
Которое так мало отличается от выцветшего,
Пожелтевшего небытия;
Конечно: можно дать
Патетичную клятву
Сдержать слово
Защитить чистую краску надежды
Остаться собой (наедине с собой) —
Форма незаметно распадается
Взрываются фразы, ритмы, строки, осталось
Придумать совсем немного:
Самое главное в жизни – питать как
Можно больше иллюзий...

Стена

Как сжатый кулак дыма
Стихотворение: эхо отражённое от твёрдой стены
Мира истлевший траур опавший лист
Кисть тёмного винограда на осеннем
Столе рассыпаны скорлупки орехов

Разорван переплёт горизонта
Идти туда откуда вырастают бури
Где побеждает ветер
Где начинается озарение

Встреча

И наконец мне удаётся забыть
(о себе, о тебе, о том, что ты есть,
о том, что тебя
нет) во время долгой дальней прогулки отсюда в
бесконечность, вместе с упрямой непо-
слушной собакой,
я спускаюсь с горы, продираюсь сквозь густые
кусты, мне
хорошо,
хотя я вовсе не думаю об этом, и тогда
вдруг рядом пробегает лис,
мы удивлённо смотрим друг на друга, лис на меня, я
на
лиса, и вот уже лис бежит дальше,
лес остаётся и молчит,
я остаюсь и смеюсь громко и радостно.

Вымысел II

В дом проникает весна!
Весь дом окружён весной!
Внутри весны виден дом!
Властвует весна, царствует весна, долго длится весна.
Весна мне помогает.

Весна меня освобождает.

Весна меня веселит.

Весна помогает.

Лучше сказать: всё, везде,

Чем: ничего, нигде.

Лучше верить вечности, чем небытию.

Лучше отправиться к свету.

Лучше разговаривать с тобой.

Лучше, когда ты есть.

Лучше, раз уж ты есть:

Хорошо, что ты есть. Хорошо.

12 апреля 2001

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

- «Капитул премии им. Ежи Гедройца газеты «Жечпосполита» постановил присудить премию 2006 года за деятельность на благо польских государственных интересов выдающемуся публицисту, эссеисту и переводчику Ежи Помяновскому — за создание журнала «Новая Польша», благодаря которому российские граждане могут ближе познакомиться с Польшей и поляками, а также за переводы, в частности Исаака Бабеля и Александра Солженицына, благодаря которым поляки смогли увидеть Россию и россиян в труднейшие моменты их истории», — так звучало решение капитула (жюри) премии в этом году.

- 24 октября 1956 г. инициативная группа подписала учредительную декларацию Всепольского клуба прогрессивной католической интеллигенции, который со временем преобразовался в сеть Клубов католической интеллигенции. Первым председателем новой организации стал писатель, драматург и католический деятель Ежи Завейский. Спустя несколько дней ее руководство принял только что назначенный первым секретарем партии Владислав Гомулка, который, как писал Завейский, «с одобрением приветствовал нашу готовность участвовать в восстановлении Польши и отметил, что такое взаимодействие с католическим обществом для него очень важно». Все это происходило на волне октября 1956 года. Клуб был уникальным явлением в нашей части Европы. Потом бывало по-всякому. Сегодня ККИ отмечает 50-летие своего существования. «Достижения ККИ колоссальны, — написал по этому случаю историк Анджей Фришке. — Клуб создал модель католичества, открытого к другим конфессиям (...) вышел победителем из исторических испытаний. По-настоящему мы оценим его заслуги лишь по прошествии времени». О нынешней форме деятельности ККИ говорит его председатель Петр Цивинский: «ККИ должен быть организацией католиков ответственных, но не обязательно покорных».

- В этом году премии Фонда поддержки польской науки (самые престижные научные премии, называемые «польскими Нобелями») получили: в области технических наук — профессор Варшавской политехники Леон Гардонь «за

разработку теории процессов возникновения и транспортировки аэрозолей и микрочастиц в газах и жидкостях, а также за ее применение в технических и медицинских приборах»; в области точных наук — проф. Томаш Дитль из Института физики ПАН, пионер новой области электроники, называемой спинотроникой; в области гуманитарных и общественных наук — связанный с Ягеллонским университетом проф. Петр Штомпка, автор необыкновенно популярного учебника по социологии и один из немногих поляков, которые в последние годы внесли вклад в мировую социологию; в области естественных и медицинских наук — проф. Мариуш Ратайчак, директор Института физиологии при Поморской медицинской академии в Щецине «за открытие нового типа материнских клеток в костном мозге и пуповинной крови».

- Первую премию XIII Ярмарки научной книги «Афина-2006» жюри присудило двухтомнику «Хирургия» под редакцией проф. Войцеха Нощика. «Содержание этой книги отличается современностью, которая бросается в глаза и в ее форме, — пишет Лукаш Каневский. — Здесь можно найти такие ранее не печатавшиеся в учебниках сведения (...) как правовые предписания, касающиеся хирургии (...) Отдельные главы писали лучшие специалисты, знакомые с новыми операционными методами. Особый упор делался на лучшие, малоинвазивные методы хирургического лечения». Величайшей угрозой научной книге было признано нелегальное копирование, а самым большим вызовом — распространение малотиражных изданий.

- «Лавина катит по камням, / Но и они ей бег изменяют», — писал Чеслав Милош в «Моральном трактате». Памятуя об этих словах поэта, Анна Биконт и Иоанна Щенская назвали свою новую книгу «Лавина и камни». «Героями книги стали писатели, которые после войны поддались искушению коммунизма», — пишет рецензент. Почти ко всем ним (за исключением разве что Тадеуша Боровского) слава пришла в период поздней ПНР, когда они уже давно вылечились от коммунистического угара. Эти писатели — Ежи Анджеевский, Тадеуш Боровский, Казимеж Брандыс, Адам Важик, Виктор Ворошильский и Тадеуш Конвицкий. «С коммунизмом флиртовали не только писатели, — пишет Марек Радзивон. — Однако именно их особенно резко критикуют за годы социализма, потому что именно они оставили самые долговечные следы своих ошибок, трусости, наивности, конъюнктурности и слепой веры».

- Прозаикам Ежи Сосновскому, Яцеку Денелю и поэту Мартину Светлицкому близка современная восприимчивость и опыт молодых поколений. О Ежи Сосновском и его последней книге «Да, это он» Пшемислав Чаплинский пишет: «Больше всего его интересует тонкая грань, отделяющая повседневность от Необыкновенного, начинающегося сразу же за углом нашего дома, под поверхностью простых действий, за фасадом привычек (...) В этой книге замечательно то, что наша действительность представлена в ней как минное поле: военные времена, пээнэровское прошлое, капиталистическое настоящее — всё это зоны повышенного риска для тех, кто хочет сойти с проторенной тропы».

- «Ляля» — так называется дебютантский роман Яцека Денеля, поэта и художника, родившегося в 1980 году. ««Ляля» — книга незаурядная, — пишет Дариуш Новацкий. — Такой зрелостью, знанием формы и литературной культурой не может похвалиться ни один двадцатилетний (...) ибо таких начитанных и образованных молодых людей попросту не существует (...) Особенно смачным получилось в «Ляле» столкновение жанров — биография бабушки перетекает в автобиографию Денеля, Bildungsroman о том, что сформировало автора, врывается в эпопею о родословных польских интеллигентов». Между тем Ежи Зелинский усматривает в этой дебютантской книге параллели с шедевром польской романистики «Куклой» (по-польски — «Лялькой») Болеслава Пруса, подчеркивает ее стилистическое сходство с ориентальной манерой повествования, но прежде всего обращает внимание на «метод вплетения реальных действующих лиц, которые придают истории Яцека Денеля привкус подлинности».

- И наконец — «Музыка сердцевины», последний сборник стихов Мартина Светлицкого, барда поколения нынешних 40-летних. Анджей Франашек написал об этой книге так: «Новый том Мартина Светлицкого — это волнующий сборник зрелых и важных стихов об одиночестве и чувстве жизненного краха (...) Здесь уже нет характерной смеси задиристости, паясничанья и шутовского бунта. Протест утратил свою силу (...) У того, кто когда-то «триумфально отрицал», уже не осталось на это сил. Под маской проступает усталое печальное лицо».

- В списке бестселлеров на первое место снова вышла Катажина Грохоля со своей новой книгой «А что я вам говорила». Второе занимает «Черная похлебка» Малгожаты Мусерович. С трудом пробивается наверх книга Анджея Стасюка «Фад» — история путешествия в забытые Богом и людьми уголки Европы. В

категории документальной литературы лидирует Томаш Лис со своей книгой «Польша, дурень», о которой Анджей Ростоцкий пишет: «Я нахожусь в неловком положении, ибо разделяю почти все взгляды автора, касающиеся текущей польской политики. В ней нет никакой цивилизационной или просветительской идеи, никакого проекта модернизации, зато есть арифметическая демократия и постоянные пустые обещания (...) Мои умные студенты смотрят на наше поколение с его страстью к старым шкафам как на сборище психов. И они правы». В список попали также две книги Виктора Суворова («Тень победы» и «Беру свои слова обратно»).

- Польское телевидение намеревается снять сериал о Кристине Скарбек, необыкновенной женщине-шпионе, которая, возможно, была прототипом первой возлюбленной Джеймса Бонда из недавно вышедшего на экраны фильма «Казино Рояль». Прекрасная полька, которая во время войны была агентом британской разведки, действительно была недюжинной личностью, а фильм о ее приключениях мог бы стать мировым хитом. Авторы замысла сериала хотят, чтобы он занял в сердцах молодых поляков место «Четырех танкистов и собаки» и «Ставки больше чем жизнь».

- Краковский «Погребок под Баранами», легендарное кабаре, которое основал и вплоть до самой смерти бесценно возглавлял Петр Скшинецкий, отметил в Варшаве свое 50-летие. «Погребок» не утратил своей магии, а едкая политическая сатира, наряду с незаурядной музыкой и поэтическими текстами, продолжает оставаться его сильной стороной. Хитом юбилейной программы стала песня «Я бы в ПиС вступить хотела» — парафраза подлинных видеозаписей заседаний Сейма, вызвавшая почти такие же стихийные взрывы смеха, как мелодекламированный в 80-е годы Петром Скшинецким декрет о введении военного положения.

- Лауреатом первой премии конкурса им. Генрика Венявского стала польская скрипачка Агата Шимчевская. Вторая премия присуждена японке Аири Судзуки, а третья — польке Анне Марии Стаськевич. Этот старейший в мире скрипичный конкурс проводится раз в пять лет. В этом году он прошел в 13-й раз.

- «Приемы родом из шоу-бизнеса, атмосфера как в филармонии плюс благоприятная конъюнктура — вот составляющие рецепта, благодаря которому ему удалось стать звездой (...) Если отбросить весь религиозный антураж, композиции Рубика оказываются просто поп-песнями, слегка облагороженными аранжировкой в стиле «Погребка под

Баранами», «Страны нежности» или фестиваля актерской песни. Но, конечно, аранжировка эта сделана великолепно и с размахом». Так пишет Роберт Санковский о Петре Рубике (1968 г.р.), выпускнике варшавской Музыкальной академии, который делает на польской эстраде все более блестящую карьеру. «Это музыка для масс, — утверждает Игнаций Хаврылюк, — которая благодаря ловкой социотехнике производит впечатление высокого искусства». Следует напомнить, что первый успех Рубику принесли сочинения, посвященные Иоанну Павлу II, близкие по форме к серьезной музыке, а по содержанию — к религиозной тематике.

• «Иногда мне кажется, что показываемые у нас фильмы, даже самые фантастические, более логичны, чем мир, который мы видим благодаря вездесущим СМИ, а герои фильмов могут быть зрителям ближе, чем люди, живущие в (...) окружающей нас действительности, — говорит Стефан Лаудин, директор Варшавского международного кинофестиваля. — На фестивале мы стараемся показать весь мир, не разделяя его на места получше и похуже (...) Большинство фильмов — европейские. Не потому, что мы продолжаем исповедовать абсурдный и все менее обоснованный европоцентризм, но потому, что мы рассматриваем познание Европы как первый шаг к познанию мира во всем богатстве его культур. Фестиваль — это путь, который каждый из зрителей проделывает в одиночестве, в своем микромире, но может рассказать об этом путешествии другим. Пожалуй, взаимный контакт зрителей через фильмы (...) это и есть суть Варшавского фестиваля». В этом году две из трех премий фестиваля завоевали российские фильмы. Самую серьезную, Гран-при конкурса «Новые фильмы, новые режиссеры», жюри присудило фильму «Эйфория» Ивана Вырыпаева — дебютировавшего в кино драматурга. Фильм представляет собой замечательно стилизованную историю любви. «Ее можно упрекнуть в чрезмерном эстетстве и пафосе, но нельзя недооценивать ее последствия, — пишет критик. — «Эйфория» вызывает беспокойство, ибо, говоря о любви, она говорит о ее отсутствии». Первую премию «Регионального конкурса» получил Борис Хлебников за фильм «Свободное плавание». «Хотя в фильме мы наблюдаем жизнь провинциального городка на Волге, где все возможности работы ограничиваются продажей сапог на рынке и ремонтом асфальтовой дороги, вместо безнадежности режиссер деликатно отыскивает в неинтересном мире следы необычности», — пишет Павел Т. Фелис. Премию зрителей получил немецкий фильм «Жизнь остальных» Флориана Хенкель-Доннерсмарка — вымышленная история о Восточном Берлине в 1984 году.

• Одним из важнейших польских фильмов, представленных на Варшавском кинофестивале, стал «Возврат» Славомира Фабицкого. В настоящее время эта картина борется за выдвижение на «Оскара» для лучшего неанглоязычного фильма. «Фабицкий смотрит, как реагирует человек, проходящий тренинг зла, вступающий в сделку со злом и пытающийся спастись, — пишет Тадеуш Соболевский. — Режиссер переносит на польскую почву классические образцы западного черного кино о сделках со злом и попытках вызволиться».

• Кристиан Люпа — гуру нескольких поколений польских театральных режиссеров, начиная с Гжегожа Яжины и кончая Майей Клечевской. Он ставит свои спектакли в нескольких странах Европы, а его любимый автор — австрийский драматург Томас Бернхард. В интервью, посвященном своему новому спектаклю «Горные вершины спят во тьме ночной» по пьесе Бернхарда, Люпа сказал: «В театре у меня всегда есть ощущение, что пространство надо установить заново. А граница в виде окна сцены так же маловажна, как золотая рама картины. Ее нельзя стирать, нельзя делать вид, что ее нет, а если кто-нибудь так поступает, то допускает ложь, за которую потом придется платить конфузом зрителя и актера (...) Театр — это место, где правдивы детские, а не приобретенные импульсы. Как можно не смеяться над тем, что смешно только потому, что серьезно?» Что ж, короче говоря — король голый.

• «Невинные чародеи» — так называется снятый в 1960 г. фильм Анджея Вайды, ставший своего рода портретом его поколения. И именно так творческая молодежь назвала фестиваль, который должен был напомнить атмосферу Варшавы конца 50-х — начала 60-х. «После оттепели 1956 года Варшава стала необыкновенным городом, — пишет Ежи С. Маевский. — Как только кончился соцреализм, как только люди перестали восхвалять гений Сталина, произошла вспышка талантов и надежд — надежд (как оказалось, напрасных) на социализм с человеческим лицом (...) Лед «холодной войны» начал таять, и наступила оттепель — прекрасная, вдохновляющая, окрыляющая таланты, которых тогда уродилось в Польше особенно много». Имена трех необыкновенно талантливых людей были вынесены на афишу как символы той эпохи — писателя, публициста и любителя джаза Леопольда Тырманды, замечательного музыканта, самого выдающегося джазиста в истории Польши Кшиштофа Комеды и режиссера Романа Полянського, которого сегодня никому не надо представлять. «Участники фестиваля — говорит один из его организаторов ди-джей Мацей Голинский — хотят уловить

атмосферу тех времен, рассказывая о ней с помощью собственных выразительных средств. Они хотят показать, что к тем годам стоит обращаться, хотя у многих они и ассоциируются исключительно с коммунистическим режимом».

НОВОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ ЛЕСЬМЯНА

Москва. Издательство «Вахазар» совместно с издательским домом «Рипол Классик» и Высшей гуманитарной школой им. Александра Гейштора в Пултуске выпустило в русском переводе однотомник избранных сочинений Болеслава Лесьмяна «Безлюдная баллада, или Слова для песни без слов». В большую (800 стр.) книгу вошло около 350 текстов разных жанров (поэзия, театр, проза, эссе); это самое обширное издание произведений Лесьмяна за пределами Польши. Предыдущее (и до сих пор единственное) репрезентативное издание сочинений поэта (112 стихотворений) вышло на русском языке 35 лет назад.

Новый том, подготовленный Андреем Базилевским, включает ранее опубликованные переводы (в частности Константина Бальмонта, Евгения Вадимова, Юрия Вронского, Анатолия Гелескула, Сергея Городецкого, Геннадия Зельдовича, Вильгельма Левика, Леонида Мартынова, Марии Петровых, Бориса Пастернака, Бориса Слуцкого, Михала Хороманского), а также переводы, обнаруженные в архивах и выполненные специально для данного издания — принадлежащие, в частности, Анатолию Гелескулу, Александру Голембе, Майе Кореневой, Сергею Петрову, Юлии Покровской, Ирине Поляковой-Севостьяновой, Виктору Хореву, Станиславу Чумакову, Сергею Шоргину, Андрею Базилевскому. Книга снабжена предисловием, календарем жизни и творчества поэта, комментарием.

Избранное Лесьмяна — третья совместная публикация издательств «Вахазар», «Рипол Классик» и ВГШ после избранных сочинений Циприана Камиля Норвида «Пилигрим, или Последняя сказка» (2002) и Константы Ильдефонса Галчинского «Фарландия, или Путешествие в Темноград» (2004). Это 23-й том «Коллекции польской литературы», с 1991 г. издаваемой «Вахазаром» в рамках «Славянской библиотеки» наряду с Коллекцией сербской литературы» (с 2004-го). Издатели организуют презентации книги Лесьмяна в Москве (30 октября в 18.30 в Музее Маяковского) и Варшаве. Будет

представлена также выпускаемая с 2003 г. двуязычная
«Польско-русская поэтическая библиотека».

(соб.инф.: wahazar@imli.ru)

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

21 октября на страницах газеты «Дзенник» появилась большая статья Магдалены Мечницкой «Литературную критику разъедает конформизм», где, в частности, говорилось:

«В польской критике литература перестала иметь значение. Подлинные же страсти возбуждают кружковые разделения, скрываемые под маской разделений идеологических. Почти все писатели и критики функционируют как члены той или иной кружковой среды. И это важнее, чем качество их творчества. Но кружковость и идеологизация — часть более широкого явления: конформизма».

Эта статья повлекла за собой лавину откликов, где известные властители дум и специалисты по литературе размышляют о возможностях критики сохранить независимость и пробуют очертить обстоятельства, в которых работает литература в изменившемся мире. Первым слово в дискуссии взял Михал Павел Марковский, один из самых активных сегодня литературоведов и в то же время блестящий фельетонист и рецензент книжных новинок. В статье «Литературный мир переполнен трусостью» (23 окт. 2006) он отвечает:

«Магдалена Мечницкая рассердилась из-за того, что критики признают свою зависимость. Она несомненно права, когда упрекает критиков в идеологическом оправдании своей несамостоятельности, когда выдвигает обвинение, что они публично умалчивают о том, о чем говорят в частных разговорах».

И далее, ссылаясь на практику литературного критика Томаша Бурека, с 70-х годов остающегося одним из виднейших властителей дум, Марковский пишет:

«Согласимся, однако, что существуют два рода зависимости. Томаш Бурек — независимый критик, ибо никто не диктует ему, что писать, и никто не внушает ему его суждения, ясно и легко опознаваемые. И все-таки он критик в высшей степени зависимый, когда очерчивает нормы, которым должна соответствовать критика. Эти нормы не имеют ничего общего с литературой как таковой и зависят исключительно от того,

какому мировоззрению поклоняется критик. Если он, как Бурек, антимодернист, то каждый модернистский текст будет плох (более того, он будет объявлен сеющим зло, ибо Бурек охотно соединяет литературную критику с замечками о нравственности), и тут не поможет призыв к объективным критериям, ибо мировоззренческие посылки Бурека четко определяют, что хорошо, а что плохо, — еще прежде, чем критик книгу прочитает, и даже прежде, чем писатель книгу напишет. В этом смысле Бурек, конечно же, независим, но, с другой стороны, его зависимость от принятого мировоззрения так велика, что он не в состоянии читать литературу, которая это мировоззрение каким бы то ни было образом расшатывает, то есть вгоняет в состояние неочевидности. Расшатываю ли я объективно существующие критерии оценки, говоря это, а следовательно, показывая «впутанность» «невпутанной» критики (...)? На мой взгляд, их скорее расшатывает Бурек, ставя свои оценки в зависимость от своего — отнюдь не всеми принимаемого — мировоззрения. Но тут появляется ключевой вопрос: имеет он право это делать или нет? Я считаю, что имеет — более того, что он вообще не в состоянии писать иначе, — но при одном условии: пусть он не старается убедить всех, что обладает исключительной правотой, а смело говорит, что располагает правотой лишь частичной, неуниверсальной, своей собственной, бурековатой, к которой охотно прилепят его почитатели, хотя его неприятелей она оттолкнет».

Дальше Марковский указывает на два обличья зависимости и кружковости критики:

«Одно довольно плоско и примитивно, другое — несколько глубже и рафинированней. Магдалена Мечницкая клеймит первое из них, утверждая, что в литературной критике сегодня царит кружковой конформизм. (...) Критики пишут не в вакууме — они люди как и все, дружат с писателями, работают в разных редакциях, вплетены в разнообразные, иногда не самые удачные отношения, и, вынося им приговор по обвинению в служебности, следует отнестись к ним с большей снисходительностью. Скажу откровенно: если бы мой друг написал плохую книгу, я сказал бы это ему в частном порядке, а не помчался бы в редакцию, чтобы громко сообщить это *urbi et orbi*. Так уж, пожалуй, обстоят дела, и если кто-то хочет быть совершенно независимым критиком, то должен осудить себя на пожизненное одиночество в мире литературы, то есть в своем собственном мире. Не знаю, кто на такое решится. (...) Хочу сказать только одно: я согласен с Магдаленой Мечницкой насчет того, что критик, который ищет оправдания своих суждений в кружковой среде, а не в самом себе, — безнадежен

как критик. Согласен и с тем, что литературная жизнь в Польше полна сервилизма и трусости. Однако не согласен, что идеал, к которому мы должны стремиться, — это критик безжалостный, публично отхлестывающий все неудачное».

Уже на следующий день в дискуссию включился видный теоретик литературы Анджей Скрендо, написавший в статье «Критика расцветает в нишах»:

«Стоит спросить, почему Мечницкая так идеализирует категорию независимости критика? Не в том ли дело, что таким образом она подозрительно легко находит рецепт против описанной ею болезни? Она права, отмечая, что самосознание сегодня не столько освобождается от самостоятельности, сколько оправдывает согласие на всяческую зависимость. Но права ли она, защищая свои архаические представления о независимости? Впрочем, я и сам не знаю, что важнее — архаизм или наивность этих представлений. Быть независимым значит «искать свое понимание мира литературы», говорит Мечницкая. Но ей, читательнице Гомбровича, не следует иметь никаких иллюзий насчет того, что существуют какие-то простые критерии, отличающие свое от чужого. Процесс обмена между нами и нашим окружением так сложен, что невозможно сохранить какую бы то ни было веру в критерии, которые были бы попросту «своими», а не «чужими», выработанными, а не навязанными, индивидуальными, а не групповыми. (...) Магдалена Мечницкая затронула щекотливый и нелегкий вопрос. Щекотливый, так как люди стесняются говорить о кружковых аспектах наших критических оценок. Нелегкий, так как дискуссию о конформизме и групповщине трудно удержать в рамках интеллектуальной аргументации: слишком много возникает подозрений и недоверия. (...) Групповщина наверняка существует, но не меньшая проблема — то состояние, в котором остается рассеянная по всей Польше литературная среда (...). Конечно, проблема — кружковой конформизм, но не меньшей проблемой представляется безразличие, с которым сегодня сталкивается высокое искусство. Литературная жизнь, связавшись с жизнью польской демократии, заболела той же болезнью, что и она. Может быть, вместо того чтобы ломать копыя за мифическую независимость критика, лучше спросить, каков характер его связей с обществом? Может, проблема не в конформизме, а в централизации литературной жизни при одновременном ее дроблении на слабые, замкнутые кружки? Не в том (...) что польские гуманитарии не доросли до своей эпохи, а в том, что

«определенная» эпоха кончилась, а другая начинаться не хочет?»

После следующей статьи — «Состояние природы в польской филологии» Цезария Михальского (26 окт. 2006), где автор, пересказав нынешние литературно-критические споры, в заключение пишет, что предпочитает «быть «зависимым» от норм и понятий, чем подчиняться произволу всяческих «сильных личностей» в польской филологии и литературной критике», — слово взял поэт и критик Юлиан Корнхаузер. В статье «Критика в эпоху поп-культуры» (28–29 октября) он пишет:

«Книжный рынок управляется собственными законами: вместо критика мы видим на нем дистрибутора, журналиста популярной газеты, редактора из рекламного отдела издательства. В этой компании критик не только плохо себя чувствует, но в принципе становится ненужным. (...) Он апробирован только в кругу самих же критиков. Критики бросаются читать рецензии и статьи, сравнивают их с собственным мнением, завзято критикуют критиков. Литература, конечно же, не исчезает из поля зрения, но чаще всего становится лишь предлогом к разговору о самой критике».

Поднимая центральный в этой дискуссии вопрос, Корнхаузер констатирует:

«Независимость вовсе не равнозначна одиночеству (не знаю, откуда взялось такое предположение), вдобавок одиночеству со знаком минус, так как благодаря ей критик завоевывает новых сторонников, а в литературе помогает увидеть куда больше. Критику разъедает не конформизм и не трусость — это обобщение чрезмерно. Скорее изменились обязанности критики. В мире полного хаоса, бегства от попыток давать объективные оценки, в этом мире ценится не критика без льготного тарифа, как некогда в ПНР, а отчужденность. Отчужденность от действительности и отчужденность от литературы о действительности. Критики, тоскующие по былым временам (временам независимых авторитетов и художников, программирующих свое представление о литературе), не принимают во внимание изменившиеся обстоятельства и хотят построить аналог прошлому (...). Ни читатели, ни сами писатели не ждут перезаменовки по истории. Если критика должна выполнять какую-то задачу, то она сама должна воплотиться в литературу. Нет, не заменить ее, но занять место в том же ряду, без печати Авторитета. И ничего удивительного, что критика становится все ближе к

эссеистике и даже роли их нередко смешиваются. (...) Быть может, спасение для оскудевающей критики как «записи страсти к чтению» состоит в преодолении жанровых границ (критика — эссеистика — автобиографический дискурс), которое вызовет не только индивидуальный взгляд, но и партнерское отношение к литературному произведению (...). А для этого необходимо сознавать, что создаешь некое отобранное, хорошо скомпонованное (хоть и субъективное) целое. Тут произойдет встреча легкомыслия Критика с объективизмом Литературоведа. (...) Критика должна защищаться от нападков поп-культуры, которая механически разрушает ее и отменяет. И хотя критика теряет значение и не востребована, как это было прежде, потому что исчез Центр Литературных Мнений, она все еще околачивается на окраинах господствующего течения, выглядывая со страниц малотиражных толстых журналов».

Эту тему подхватывает Мацей Урбановский в чрезвычайно личной статье «Нас топят единомыслие» (30 окт. 2006). Краковский критик пишет:

«Стоит, кстати, спросить, нуждаются ли сегодня сами читатели в независимой критике. Поэтому если она есть, то бродит по страницам малотиражных журналов и журнальчиков. Почему так происходит? Точно я не знаю, но наверное хотя бы частично это происходит по вине самих критиков, которые (...) отбросили модель Великой Критики и удовлетворяются Малой Критикой. Отброшенная была максималисткой, она хотела быть совестью своей эпохи; нынешняя — минималистка, ее цель — написать отчет о личном романе критика с текстом. (...) Отсюда характерный для нынешней критики ласковый одобрительный дискурс, а за этим следует ее приватизация, монологичность и партикуляризация, с которыми соединено (...) нежелание споров и ссор, что проявляется, с одной стороны, в почти полном исчезновении памфлета, с другой — в предании анафеме или презрительном замалчивании, уготованных «ревизионистам», тем, кто смеет свое — а не всеобщее — суждение иметь. В нашей критике нет интереса к инакомыслящим, нет готовности дискутировать с ними, нет, наконец, чувства, что все мы, в конце концов, служим одному делу. Поэтому в саду польской литературы царит сладостная тишина, влюбленные друг в друга и в писателей критики греются на солнышке, заботясь о том, чтобы не мешать друг дружке и не нарушать приятной тишины, со злостью поглядывая на тех одиночек, которые пытаются выполоть сорняки или даже ищут заброшенные либо малопосещаемые

места. (...) Важно изменить «климат жизни», произвести своеобразную децентрализацию польских учреждений и умов, в том числе и критических умов. Может быть, тогда мы убедим самих себя, наших писателей и читателей в том, что литература — дело великое, что и ее, и нас волнует жизнь, волнуют наши души и наша культура...»

Последней — по крайней мере пока что — взяла слово профессор Марта Выка, занимающаяся исследованием критики. В статье «Вспышка страстей» (31 окт. 2006) она пишет:

«Мне трудно согласиться с утверждением, что независимость — в критике добродетель, пока я точно не знаю, о какой независимости идет речь. Ибо не следует требовать от критика (или критики?) поступков и добродетелей сверх сил. Критик зависим от современности (...) и от интеллектуальных кругов, в ней функционирующих. Значит, какой-то род зависимости он должен включить в свой профессиональный риск. (...)

Я не наивна, не считаю, будто критик каждый раз, когда собирается писать, задает себе целую программу, но защищать свои оценки он может лишь своим критическим мастерством. Остальное — черная газетная пена. Однако дискуссия о критике развязала страсти — быть может, она касается чего-то большего, чем критика, критицизм и критиканство? Подозреваю, что это так. Я назвала бы этот второй план дискуссии о критике приготовлениями к разработке некоторого идеального (прямо утопического) культурного проекта. На что может быть направлен этот проект? Как во всякой утопии — на самые высокие цели. То есть на отечественную формулировку европейского духа, на форму высокой культуры, на сферу влияний, которую критика может и обязана очерчивать (а возможно, и ограничивать?), на освобождение культуры от клановости. В дифференцированном, полном блуждающих огней социальном пространстве достигать этих целей значит идти по трудному и зигзагообразному пути. Чем ему быть: путем идей, или, иначе, школы писания об идеях, — либо путем, отчетливые остановки на котором определяют видные личности?»

На этом вопросе можно пока что остановиться. Он важен, так как очерчивает горизонт интеллектуальных поисков, встающий перед польской культурой, которая нуждается в ясном синтезе и переистолковании. Это происходит не впервые — подобную задачу поставила себе после войны редакция парижской «Культуры». Во всём этом важен тот факт, что

такая дискуссия проходит на страницах ежедневной газеты, выходящей огромным тиражом, — с таким мы в Польше не встречались много лет. И еще одно важно: вновь и вновь ставится вопрос о смысле занятий высокой культурой. Этот вопрос требует постоянного обновления. Не так давно студенты, встревоженные новыми тенденциями в дискурсе наших СМИ, спросили меня, нет ли у нас угрозы свободе слова. Я ответил, что свобода слова всегда находится в опасности. Столь же важно и заново ставить вопрос о собственном самосознании — а именно с этим мы имеем дело в дискуссии, о которой я рассказал.

«КУЛЬТУРА» — «КОНТИНЕНТ», ЕЖИ ГЕДРОЙЦ — ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

Татьяна Максимова:

Идея создания журнала, объединяющего силы оппозиции режиму Восточной Европы, возникла у Максимова еще до нашего отъезда на Запад в марте 1974 года. В своих интервью Максимов говорит, что обсуждал необходимость создания своего печатного органа на Западе с Владимиром Буковским (значит, еще до ареста Буковского, до конца декабря 1971-го). Наталья Горбаневская уточняет, что перед отъездом в Париж Максимов изложил ей план — издавать журнал, который объединил бы всю восточноевропейскую оппозицию и печатал бы как эмигрантов, так и самиздатских авторов.

Максимов рассчитывал на участие в журнале своих братьев-писателей, оказавшихся к тому времени на Западе, но, конечно, делом первой важности для него было привлечь Солженицына к сотрудничеству в журнале.

В мае, предварительно договорившись о встрече, мы поехали в Цюрих. Идею создания журнала Александр Исаевич безусловно одобрил. Он же и предложил это название «Континент» (может быть, Континент противостояния коммунистическому Архипелагу). Что касается своего личного участия, обещал, но, разумеется, по мере возможности — и, как я думаю, все-таки хотел наперед приглядеться, что же все-таки из воплощения этой идеи получится реально. Тут же, во время этой встречи в Цюрихе, я и услышала высказанное им полное одобрение журнала — как центра для авторов всей Восточной Европы. Солженицын посоветовал непременно связаться с польскими эмигрантами, издававшими журнал «Культура», учитывая их уже многолетний опыт жизни в условиях эмиграции и в то же время настоящую связь с Польшей.

Надо сказать, что название журнала не было новым для Максимова. В 1977 г., к 30-летию «Культуры», он писал (в №12 «Континента»):

«В первый раз я услышал о журнале «Культура» при весьма необычных обстоятельствах. Однажды, примерно в середине пятидесят восьмого года, мое жилище в Сокольниках посетили два весьма немногословных «товарища» в штатском, чтобы настоятельно предостеречь меня от контактов с представителем этого журнала, который, по их словам, искал со мной встречи. В противном случае, заявили гости, у меня могут быть «некоторые неприятности».

Приученный соответствующей жизненной школой действовать, так сказать, от обратного, я необходимого заверения своим посетителям, разумеется, не дал, хотя обещанного контакта по каким-то причинам не последовало. Но с той поры я всё чаще и чаще стал слышать о «Культуре», причем в сопровождении самых похвальных эпитетов, а вскоре один из его номеров, а именно — специально посвященный русской литературе, позволил мне познакомиться с ним непосредственно.

Помянутый выше номер отличался такой кровной заинтересованностью, таким бережным, если не любовным, отношением к каждому автору, такой заботой о современной русской литературе вообще, что я сразу безоглядно признал и принял «Культуру» своим, глубоко (да простят мне остальные его читатели!) личным журналом. (...)».

Через несколько дней после встречи с Солженицыным мы с мужем уже были в парижском пригороде Мезон-Лаффит у Ежи Гедройца и Юзефа Чапского. (Во время этой встречи меня не оставляло ощущение какой-то даже торжественности момента в настроении наших хозяев, сразу же передавшееся и нам: приходят русские, за советом, предлагают делать вместе общее дело.) Разумеется, имя Солженицына как инициатора этой встречи, его высочайший моральный авторитет были залогом успешного разговора. С первого номера «Континента» основатели «Культуры» Ежи Гедройц, Юзеф Чапский и Густав Герлинг-Грудзинский стали членами редколлегии нашего журнала.

Началась интенсивная переписка: предложение материалов, рекомендация необходимых контактов и участие в доставке экземпляров журнала в Польшу. Помню, к примеру, просьбу передать кардиналу Вышинскому, примасу Польши, который не читает по-русски, но самим журналом очень заинтересован, кроме русского — экземпляр немецкого издания. Естественно, что иногда наши польские друзья предлагали нам материалы не только польского самиздата, но и товарищей по несчастью — например, документы о положении католической церкви в

Словакии. Этим по поручению Гедройца занимался многолетний римский корреспондент «Культуры» Доминик Моравский.

Я говорю: наши польские друзья. Действительно, с каждым из троих вышеназванных основателей «Культуры» у нас сложились по-настоящему дружеские отношения. Так, остался в памяти приход всех троих на крестины нашей старшей дочери. Гостей у нас в тот день было много – тут и Галич, Некрасов, Синявские, Шаховская, Струве, Геллер, Окутюрье, всех не перечислишь (среди них много дорогих мне имен), но вот приход этих «трех богатырей», может быть, непроизвольно придал празднику еще какую-то дополнительную приподнятость.

Много заботился Гедройц о наших отношениях с украинцами. В письме Максимову от 10 декабря 1974 г. он писал: «Кстати, о Слипом — 22 декабря в Риме будет торжественно отмечаться 35-летие его епископского служения и 30 лет с тех пор, как он был поставлен митрополитом Греко-католической Церкви после смерти митрополита Шептицкого. Думаю, было бы хорошо, если бы Вы смогли в этот день быть в Риме и вступить с ним в личные отношения». Видимо, тогда же мы с мужем побывали у кардинала Слипого, и его высказывания появились в одном из первых номеров журнала. Позже в «Континенте» (№14) было напечатано поздравление кардиналу Слипому к его 85-летию и 60-летию священнического служения и его сердечный ответ. Отвлекаясь от темы, скажу, что побывали мы и у кардинала Миндсенти, воспоминания которого печатались в первых номерах журнала. Можно себе представить, как воспринимали читатели в Советском Союзе воспоминания легендарного узника.

Возвращаясь к украинцам, хочу привести цитату из интервью Ежи Гедройца еще одному нашему польскому другу, физику Люциану Снядоверу, которое он дал к десятилетию «Континента»:

«Украинский вопрос всегда был и остается крайне щекотливым для России, которая считала украинцев составной частью русского народа. Следует не забывать, что договор Петлюры с Пилсудским был крайне непопулярен. Те русские, что поддержали эту концепцию, в том числе Савинков и Философов, во мнении русской эмиграции стали людьми конченными. «Континент» первым поставил вопрос о независимости Украины — о том, чтобы допустить мысль о независимости Украины. И это тоже как-то не натолкнулось на

особое сопротивление, скорее наоборот: я сказал бы, что эта концепция начинает обретать все больше сторонников».

Когда Максимов чувствовал необходимость, то говорил: надо бы посоветоваться с Гедройцем. Авторитет Гедройца, его суждения — всё это было для него неизменно. Вот и в трудное для себя время, в начале 90-х, уставший от финансовых журнальных трудностей, оказавшись без недавних единомышленников, не разделявших его горячей тревоги в восприятии и понимании того, что творится в России, Максимов поехал к Гедройцу.

Мы были втроем. Гедройц понимал по-русски, а его слова переводила мужу я (с французского). Хотя тон полной доверительности разговора как-то даже не вяжется со словом «переводила». И так все было понятно — глаза в глаза. Приблизительно было так. Максимов: «Сил нету, я один. Вот передаю журнал в Москву». Назвал имя своего преемника Игоря Виноградова, просил «Культуру» не отказать в дальнейшем доверии журналу. Гедройц был грустным, тихо, медленно сказал: «Господин Максимов, если осталась еще хоть какая-то возможность, поддержитесь, ведь у России не прошла необходимость слышать вольное слово извне. (помолчал) Я свою «Культуру» не отдам...»

Потом мы вернулись в Мезон-Лаффит на отпевание Юзефа Чапского. С Чапским у Максимова были просто душевные отношения, близость полного взаимопонимания. Человек большой души, Чапский, по-моему, относился к Максиму как к младшему брату.

Герлинг-Грудзинский был наиболее частым собеседником мужа, ему он просто набирал номер телефона в Неаполе, и они подолгу говорили. В свои наезды в Париж Герлинг приходил к нам.

С приходом в редакцию Натальи Горбаневской (с 7-го номера) общение с «Культурой», общение с поляками часто происходили при ее прямом участии. И дело здесь, конечно, не только в том, что Наташа говорила на их родном языке. Главное — совершенная ясность, что нам, полякам, украинцам надо быть вместе. Вместе говорить нашим народам и стараться донести до Запада, что происходит на Востоке, и вместе искать возможный выход из этой, как она говорит, «большой зоны». К годовщине оккупации советскими войсками восточной Польши в «Континенте» было опубликовано заявление, подписанное «Мера ответственности», его подписали Иосиф Бродский, Андрей Волконский, Александр Галич, Наум

Коржавин, Владимир Максимов, Виктор Некрасов, Андрей Синявский. Несколькоими словами из Москвы присоединился к заявлению Андрей Сахаров. Они обращались к полякам: «Мы глубоко убеждены, что в общей борьбе против тоталитарного насилия и разрушительной лжи между нами сложится совершенно новый тип взаимоотношений, который навсегда исключит какую-либо возможность повторения ошибок и преступлений прошлого. И это для нас не слова, а кредо и принцип.

Наталья Горбаневская:

Начну сразу с этого заявления, которое я прочла еще в Москве, до своей эмиграции. Его предысторию мы находим в одном из писем Гедройца не Максимова, а Солженицыну (от 26 июня 1975):

«В мае нынешнего года наш римский корреспондент беседовал с кардиналом Вышинским, выразившим чрезвычайный интерес к Вашей деятельности и к деятельности «Континента». Кардинал Вышинский придает исключительное значение заявлению о польско-русских отношениях с Вашей стороны и со стороны «Континента». Он не исключает того, что, приехав снова в Рим в октябре, он дал бы на эту тему интервью для «Континента» и «Культуры», а кроме того предоставил бы имеющиеся у него документы.

В.Максимов с большим пониманием положения обещал нам заявление «Континента» о зле, причиненном Польше после 1939 года».

Заявления Солженицына на эту тему не было, как, впрочем, не было и интервью кардинала Вышинского «Культуре» и «Континенту». Заявление «Континента» вместе с поддержавшим — хочется сказать «нас», хоть я была тут и ни при чем, — Сахарова, как уже сказано, появилось. Оно было не последним в серии заявлений по польским делам, под которыми «Континент» собирал подписи среди политэмигрантов-правозащитников из Советского Союза. Самые важные из них — катынское («Оглянись в раскаяньи») — к сороковой годовщине злодеяния — и «Снова Польша» — заявление, сделанное после введения военного положения в Польше. Мне особенно хотелось бы выделить в катынском (текст которого написал Владимир Максимов) ту же тему ответственности, которая в предыдущем заявлении, посвященном четвертому разделу Польши, прямо вошла в заголовок.

К тому, что рассказала Татьяна Максимова и что относится ко временам, когда я была только читателем «Континента», хочу прибавить еще кое-что. В первом номере «Континента» была напечатана статья — отклик на солженицынское «Письмо вождям Советского Союза» за двойной подписью: «Голос из Варшавы» и «Редакция журнала «Культура»». О том, чтобы подпись журнала была поставлена под статьей, просил Гедройц Максимова в одном из своих писем — видимо, чтобы подчеркнуть, что журнал разделяет взгляды анонимного автора. Этим автором был Виктор Ворошильский, который уже в 90-е годы не без гордости напоминал, что был автором «Континента» с самого первого номера. Статья сопровождалась довольно обширной справкой о «Культуре». Я не знаю, кто ее писал, но в ней несомненно отразились взгляды и журнальные установки Максимова. Речь там шла об «особенностях «Культуры», делающих ее журналом, может быть, уникальным»:

«Наконец, третья особенность «Культуры» — острое чувство неразделимости судьбы Польши, народов СССР и Восточной Европы, чувство братства всех народов, стремящихся к свободе и независимости. Великолепным символом, выражающим это чувство, может быть «Декларация Прав Человека», изданная «Литературным институтом» летом 1974 г. на польском, русском, украинском, белорусском, словацком, литовском и чешском языках».

Второй момент из времен до моего приезда, который мне хотелось бы отметить, а затем развить, заходя уже в «мои» континентские времена, — это почти детективный сюжет: совершенно загадочное, вызывающее недоумение у всех, кто с ним знакомится, письмо Гедройца Максимова от имени всех трех польских членов редколлегии, начинающееся словами: «...сообщаю Вам, что мы отказываемся от участия в редакционном комитете «Континента»» (все цитаты привожу по полученному Максимовым русскому переводу письма). На имеющемся в архиве экземпляре — ни на русском, ни на польском — нет даты, но ясно, что оно написано до выхода 4-го номера «Континента», где была напечатана статья Юлиуша Меровского, излагавшая концепцию УЛБ, и до вышецитированного письма Гедройца Солженицыну. То, что статья Меровского до сих пор не напечатана и что Максимов до сих пор не прислал свой к ней комментарий, — одна из частных претензий, послуживших причиной того, что хотя «Континент» «объявил себя органом Восточной Европы», Гедройц «сегодня (...) не уверен в том, что эту информацию можно считать точной». Причина более общая — отсутствие

ясного заявления по украинскому вопросу, отсутствие «жеста по отношению к Польше (...) к пакту Риббентроп — Молотов (...) к высылке в 1940 г. полутора миллионов польских граждан в Сибирь (...) к Катынскому преступлению и поведению советской армии в 1944 г. перед лицом погибшей повстанческой Варшавы». Ответ Максимова на это письмо неизвестен. Татьяна Максимова считает, что скорее всего Владимир Емельянович просто снял телефонную трубку и тут же выяснил все недоразумения. Возможно, это так, а возможно, что ответ его лежит в еще не разобранной личной части архива редактора «Культуры». Возможен и третий вариант — исхожу из того, что письмо не только не датировано, но и не подписано: написав письмо, Гедройц мог предложить Максиму встать, показал этот текст при личной встрече, на чем недоразумение и исчерпалось. Думаю, что найти взаимопонимание было тем более нетрудно, что далее в письме Ежи Гедройц критикует «Континент» и задает довольно жесткие вопросы его редактору явно не с «внешних» позиций, и заканчивает письмо обещанием «готовности всегда служить Вам помощью и советом».

То есть: никакого выхода из редколлегии не последовало, переписка — как мы видим, не всегда и не полностью отражающая отношения между двумя журналами и двумя редакторами, — и личные встречи продолжались, продолжалось и расширялось сотрудничество, как практическое, так и идейное. В №5 было напечатано заявление «Мера ответственности», в №12 — совместное заявление по украинскому вопросу, но еще за год до этого, в «Колонке редактора» 8-го номера, и еще раньше, в редакционном комментарии к статье Меровского, Максимов заявил о своей безусловной приверженности принципу национального самоопределения.

В 1981 году, когда у Максимова возникли трудности с некоторыми членами редколлегии, он обратился с письмом ко всему ее составу, чтобы выяснить, готовы ли они и дальше сотрудничать с «Континентом» и на каких условиях. Здесь мы имеем ответ, датированный (25 марта 1981) и подписанный Чапским, Гедройцем и Герлингом-Грудзинским.:

«...получив как польские члены редколлегии «Континента», Ваше письмо от 20 января, мы вместе обсудили поставленную Вами проблему. Она несомненно существует, раз состав редколлегии столь многочислен и многонационален, а члены ее живут в столь многих странах мира, что, разумеется, делает невозможным их постоянное живое участие в работе журнала,

не говоря уже об упомянутых Вами трудностях понимания нередко запутанной проблематики русской эмиграции. В своем ответе мы могли бы ограничиться исключительно своей ролью: как польских членов редколлегии нас интересует прежде всего (хотя не только) восточно-европейский раздел «Континента», а с этой точки зрения наши частые личные контакты как с Вами, так и с Натальей Горбаневской в целом выполняют условия консультации, которая надлежит действительным, а не только титулярным членам редколлегии. Но это был бы половинчатый ответ. Принадлежность к редколлегии руководимого Вами журнала — это также акт солидарности с Вашим предприятием в целом, с общей линией журнала. После выхода 26 номеров «Континента» у нас нет причины отказываться от этого акта солидарности. В 1977 году Вы заявили, что, организуя журнал, обратились по совету Солженицына в «Культуру» с просьбой о помощи и предложением сотрудничества, и что об этом решении не жалеете. Так и мы сегодня не жалеем о нашем решении тесно связаться с «Континентом» (...).

А в 1984 году, к 10-летию «Континента», Гедройц, обращаясь к Максиму, писал:

«...«Континент» стал не только ведущим журналом русской эмиграции, но и в большой степени журналом Восточной Европы. Журнал последовательно борется с империализмом российским или советским, провозглашая — в высшей степени честно — право Украины и прибалтийских стран на независимость, а также выступая не только за нормализацию польско-русских отношений, но и за дружбу обоих народов. Это стало особенно ясно, когда в Польше родилась «Солидарность».

(...)

Я хотел бы также поздравить Вас с качеством, редким у редакторов: при весьма четком — иногда даже доведенном до крайности — формулировании Ваших взглядов, Вы публикуете материалы, не совпадающие с Вашей точкой зрения. Это прекрасный пример либерализма и уважения к свободному слову. (...)

Для меня очень дорого, что с самого возникновения «Континента» я вместе с моими друзьями принадлежу к его редколлегии».

Сокращенный текст доклада на московской конференции

«Ежи Гедройц – наследие «Культуры».

Парижская «Культура» — СССР — Россия»

(20 ноября 2006)